

18+

Марк
Твен

Новый перевод

Янки
из
Коннектикута

при дворе
Короля Артура

А

Марк Твен

**Янки из Коннектикута
при дворе короля Артура**

«Издательские решения»

Твен М.

Янки из Коннектикута при дворе короля Артура / М. Твен —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672001-5

Новый, адаптированный перевод Алексея Козлова романа Марка Твена (Mark Twain) «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» («A Connecticut Yankee in King Arthur's Court») Первая публикация в 1889 году. В романе Мврк Твен одним из первых изобрёл описание путешествия во времени, создав сатирико-фантастическую антиутопию.

ISBN 978-5-00-672001-5

© Твен М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Несколько Слов Разъяснения	7
История Незнакомца	10
«ПОВЕСТЬ О ЗАТЕРЯННОЙ СТРАНЕ»	12
Глава I. КАМЕЛОТ	12
Глава II. ДВОР КОРОЛЯ АРТУРА	14
Глава III. РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА	18
Глава IV. СЭР ДИНАДАН – ЮМОРИСТ	22
Глава V. ВДОХНОВЕНИЕ	24
Глава VI. ЗАТМЕНИЕ	28
Глава VII. БАШНЯ МЕРЛИНА	32
Глава VIII. НАЧАЛЬНИК	36
Глава IX. ТУРНИР	40
Глава X. ЗАРОЖДЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ	44
Глава XI. ЯНКИ В ПОИСКАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ	48
Глава XII. МЕДЛЕННАЯ ПЫТКА	54
Глава XIII. СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Янки из Коннектикута при дворе короля Артура

Марк Твен

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Марк Твен, 2025

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2025

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0067-2001-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Дикие законы и обычаи, затронутые в этой повести, являются историческими фактами, и эпизоды, которые использовались для их иллюстрации, также являются реальными.

Ни у кого не должно возникать по этому поводу никаких сомнений! Никто не собирается воображать, что эти законы и обычаи существовали в Англии в VI веке. Что там было на самом деле, никто не знает, и даже чёрт не разберётся, что там было на самом деле, нет, здесь только утверждается, что, поскольку они существовали в английской и других цивилизациях гораздо более поздних времён, можно с известным основанием, нет, даже с полной уверенностью полагать, что предположение о том, что они существовали в VI веке, не является выдумкой, бесплодной фантазией или клеветой на VI век. Потренируйте сегодня свою фантазию! Можно с полным основанием предположить, что в те далекие времена, место таких скверных и бесчеловечных законов могло быть было со знанием дела легко заменено другим, ещё более мерзким и кровавым законом.

Вопрос о том, существует ли в реальности такая магическая субстанция, какая поименована в веках «божественным правом королей», в этой книге не обсуждается. Это оказалось слишком сложным для автора, и надо полагать, для огромного большинства обывателей. То, что главой исполнительный власти государства и нации должен быть человек с благородным сердцем и экстраординарными способностями, было очевидным и неоспоримым ещё при царе Горохе. Издревле было ясно, что никто, кроме Божества, не может безошибочно выбрать этого главу, это всегда было также очевидным и неоспоримым, что общепризнанное Божество должно было в этот момент лично явиться в мир и произвести свой выбор, всё это было также очевидным и неоспоримым, так что, действительно, неизбежным выводом из этой фантастической ситуации является обязательное явление и присутствие Бога на Земле. Эта уверенность автора в божественном происхождении исполнительной власти была поколеблена лишь с появлением в поле зрения автора таких титанов администрирования, как мадам Помпадур, леди Каслмейн и столкновения с некоторыми другими руководителями такого же рода. Их было так трудно вписать в общую схему, что было решено, что в этой книге (которая должна выйти этой осенью) лучше придерживаться другого подхода, и лишь затем приступить к изучению мутного, гнилого вопроса законов наследования, с лёгкой надеждой рано или поздно разобраться с этим вопросом в какой-нибудь другой книге. Это, конечно, вопрос, который рано или поздно нужно решить, и в любом случае следующей зимой у меня не будет никаких особых дел, и я клянусь, займусь этим.

МАРК ТВЕН

ХАРТФОРД, 21 июля 1889 года

Несколько Слов Разъяснения

Именно в Уорикском замке я встретил прелюбопытнейший артефакт – таинственного незнакомца, о котором и собираюсь рассказать на этих листах. Он привлек моё внимание тремя вещами, которые не могли не возбудить любопытного автора: своей кристальной деревенской простотой, удивительным, дотошным знанием древних доспехов, оружия и лат, а также тем, что в его компании было удивительно приятно находиться – ведь он болтал, не переставая, как сытый кенар в клетке, не давая никому никакого шанса ответить даже междометием. Мы пристроились дружной компанией, как и подобает скромным пилигримам, в хвосте проходившего мимо стада, и он, только увидев потенциальных слушателей, сразу же стал вещать о предметах, которые меня сразу же заинтересовали. По мере того как он говорил, мягко, приятно, плавно, стало казаться, что он уходит в экзо-временную дыру, растворяется, меняет сущность, незаметно ускользает из этого мира и времени, проваливаясь в туман какой-то отдалённой эпохи и засасывается болотом старой забытой богом страны; и так, незаметно и плавно, как осьминог, выпускающий свою чёрную густую струю, он постепенно окутал меня такими пленительными чарами, что я, казалось, уснул и теперь мерно и возвышенно плыл среди призраков, теней, пыли и плесени, колеблющейся в мареве чудовищно седой древности и поневоле общаясь с её седыми реликтами! Точно так же, как я рассказывал бы о своих ближайших друзьях, врагах или самых близких соседях, живых людях, явно смакуя это, он без конца говорил о сэре Бедивере – Возвратителю Эскалибура, сэре Борсе де Ганисе – Лучшем Искателе Света Грааля, сэре Ланселоте Озерном – Супервеликолепном, сэре Галахаде и всех других великих персонажах Круглого Стола – и о том, какие они старые, невыразимо обветшавшие, облезшие, покрытые коростой и вшами, а также покрытые архивной пылью и поблекшие и по мере продвижения века сами собой становились всё более иссохшими, заплесневелыми и древними артефактами!

Недолго думая, он со скрипом повернулся ко мне и сказал так, как говорят о погоде или о любой бытовой ерунде:

– Эй! Что вы знаете о переселении душ? Что вы знаете о путешествии во времени и смене тела?

Я сказал, что никогда не сталкивался с этим и ничего не слышал об этом. Его так мало интересовал мой ответ – как бывает, когда люди говорят о погоде, – что он не заметил, ответил я ему что-нибудь или нет. На полминуты воцарилась тишина, которую тут же прервал монотонный голос наёмного чичероне:

– Древняя кольчуга, она датируется шестым веком, временем короля Артура и Круглого Стола; говорят, она принадлежала рыцарю – самому сэру Саграмору Желанному! Обратите внимание на круглое отверстие в кольчуге на левой стороне груди; его появление ни кто не смог объяснить; предположительно, оно было проделано пулей той поры, как изобретено огнестрельное оружие – возможно, дырка была злонамеренно проделана солдатами Кромвеля!

Мой знакомый улыбнулся – не современной улыбкой, как вы подумали, а такой, которая, должно быть, вышла из употребления много – много веков назад, – и пробормотал, очевидно думая, что он говорит про себя:

«Ну и ну, я видел, как это делается».

Затем, помолчав, добавил: «Я сам это сделал!»

К тому времени, как я оправился от потрясения, вызванного этим замечанием, он уже исчез.

Весь тот вечер я просидел у камина в «Уорик Армс», погруженный в мечты о былых временах, в то время как дождь уныло барабанил в окна, а ветер завывал в карнизах и углах. Время от времени я заглядывал в очаровательную книгу старого сэра Томаса Мэлори и вку-

шал её богатую ауру чудес и приключений, вдыхал аромат её устаревших названий и снова предавался мечтам. Когда, наконец, наступила полночь, я прочитал на сон грядущий ещё одну сказку, а именно:

«КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ УБИЛ ДВУХ ВЕЛИКАНОВ, И ОСВОБОДИЛ ЗАМОК»

...Внезапно на него набросились два огромных великана, хорошо вооруженных, но с открытыми головами и с двумя ужасными дубинами в руках. Сэр Ланселот выставил перед собой щит, отразил удар великана и мечом разрубил ему голову на части, как тыкву. Когда его товарищ увидел это, он бросился бежать, как безумный, опасаясь страшных ударов сэра Ланселота, а сэр Ланселот погнался за ним изо всех сил и ударил его по плечу и разрубил пополам. Тогда сэр Ланселот вошёл в зал, и предстали перед ним десятка три дам и отроков, и все преклонили перед ним колени и возблагодарили Бога и его самого за избавление.

«Ибо, сэр, – сказали они, – большинство из нас уже семь лет находятся здесь в плену у низменных вурдлаков, и мы всё это время ткали всевозможные паланкины из шёлка, чтобы заработать себе на пропитание, и все мы благородные дамы по праву рождения, и да будет благословенно то время, рыцарь, когда ты появился на свет; ибо ты совершил величайшее благодеяние, какое когда-либо совершал рыцарь в этом мире, об этом мы будем неустанно свидетельствовать, и все молим тебя назвать нам свое славное имя, чтобы мы могли рассказать нашим друзьям и потомкам, кто освободил нас из этого омерзительного, тёмного и страшного застенка.

– Прекрасные девушки! – сказал он, – Вау! Меня зовут сэр Ланселот Озёрный!

И с этими словами он расстался с ними и благословил их именем Бога. И тогда он сел на своего коня и поскакал по многим удивительным и диким странам, пересёк много морей и долин, но нигде и никто не уготовал ему подобающего приёма. И вот, наконец, по счастливой случайности ему случилось однажды ночью забрести в один прекрасный двор, и там он встретил старую добрую ведьму, которая радушно приняла его, и там он получил хорошее угощение для себя и своего коня. И когда подошло время, хозяйка отвела его в прекрасную мансарду над воротами, где он и лёг спать. Там сэр Ланселот снял с себя латы и оружие, и разложил рядом с собой сбрую, и лёг в постель, и вскоре заснул.

Итак, вскоре после этого появился некто верхом на лошади и очень поспешно стал стучать в ворота. И когда сэр Ланселот услышал это, он встал и выглянул в узкое готическое окно, и увидел при лунном свете, как три рыцаря поскакали за тем путником, и все трое разом набросились на него с мечами, а тот путник снова обратился в рыцаря и стал защищаться.

– Воистину, – сказал сэр Ланселот, – я должен помочь этому рыцарю, ибо для меня было бы позором видеть трёх рыцарей против одного, и если он будет убит, я стану соучастником его смерти!»

И с этими словами он взял свои доспехи и выбрался через окно по занавеске вниз, к четырём рыцарям, и тогда сэр Ланселот сказал с высоты: «Повернитесь, рыцари, ко мне и прекратите вашу свару с этим доблестным рыцарем».

И тогда они все трое оставили сэра Кэя и повернулись к сэру Ланселоту, и разъярились, аки львы поцерные, и началась великая битва, ибо они сошли все трое и нанесли сэру Ланселоту множество ударов и атаковали его со всех сторон, каркая и вопия. Тогда сэр Кэй одел его, чтобы заарканить сэра Ланселота. Нет, сэр, сказал он, я не нуждаюсь в вашей помощи, поэтому, если вы хотите получить мою помощь, оставьте меня с ними наедине. Сэр Кэй, к удовольствию рыцаря, позволил ему исполнить его волю и отошел в сторону. И тут же сэр Ланселот шестью ударами поверг их наземь. И тогда они все трое воскликнули: «Сэр рыцарь, мы отдаемся тебе, как человеку несравненному по могуществу». «Что касается этого, – сказал сэр Ланселот, – я не приму вашей уступки мне, но если вы уступите себя сэру Кэю, сенешалю, то в этом случае я сохраню вам жизнь, а в противном случае – нет». «Прекрасный рыцарь, – сказали они, – мы не хотели бы этого делать; что касается сэра Кэя, то мы гнались за ним сюда и одолели бы его,

если бы не ты; поэтому не было смысла отдавать нас ему». «Что ж, – сказал сэра Ланселот, – что касается этого, то я дам тебе хороший совет, ибо ты можешь выбирать, умереть тебе или жить, ибо если ты уступишь, то все будет в руках сэра Кэя». «Прекрасный рыцарь, – сказали они тогда, – спасая наши жизни, мы поступим так, как ты нам прикажешь». – Тогда, – сказал сэра Ланселот, – в следующий день Троицы отправляйтесь ко двору короля Артура, и там вы сдадите себя королеве Гиневре, и отдадите вас всех троих в ее милость, и скажете, что сэра Кэй послал вас туда в качестве ее пленников. Утром сэра Ланселот встал рано и оставил сэра Кэя спать; и сэра Ланселот взял доспехи сэра Кэя и его щит и вооружил его, и пошел он в конюшню, и взял своего коня, и попрощался с хозяином, и уехал. Вскоре после этого сэра Кэй встал и разминутся с сэром Ланселотом; и тогда он увидел, что у того есть его доспехи и конь. Теперь, клянусь своей верой, я хорошо знаю, что он огорчит кое-кого из придворных короля Артура; ибо при нем рыцари будут вести себя смело и подумают, что это я, и это их обольстит; а благодаря его доспехам и щиту я уверен, что поеду спокойно. И вскоре после этого сэра Кэй ушел, поблагодарив хозяина. Когда я отложил книгу, в дверь постучали, и вошел мой незнакомец. Я угостил его трубкой и стулом и оказал ему радушный прием. Я также угостил его горячим шотландским виски; угостил его еще одним стаканчиком, потом еще и еще, не переставая надеяться на его рассказ. После четвертой попытки убедить его он решился на это сам, довольно простым и естественным образом:

История Незнакомца

Я американец. Я родился и вырос в Хартфорде, штат Коннектикут, – в общем, за рекой, в сельской местности. Так что я янки из янки – и практичный; да, и, полагаю, почти лишённый сентиментальности – или, другими словами, поэзии. Мой отец был кузнецом, дядя – лошадиным врачом, а я поначалу был и тем, и другим. Затем я отправился на большую оружейную фабрику и освоил своё настоящее ремесло; изучил всё, что к нему относится; научился делать всё: ружья, револьверы, пушки, котлы, двигатели, всевозможные изобретательные механизмы и приспособления. Ведь я мог сделать всё, что угодно, – все, что угодно на свете, не имело никакого значения, что именно; и если не было какого-нибудь быстрого новомодного способа сделать что –нибудь дешевле и лучше, я мог изобрести его – и сделать это было так же просто, как бурундуку скатиться с бревна. Я стал старшим суперинтендантом, под моим началом было несколько тысяч человек. Что ж, такой человек, как он, – это человек, который любит драться, это само собой разумеется. Когда под началом у парня пара тысяч грубиянов, таких развлечений предостаточно. Во всяком случае, у меня их была тьма. Наконец-то я встретил достойного соперника и получил свою законную порцию знания и жизненного опыта. Это произошло во время недоразумения, вызванного применением ломов, с парнем, которого мы называли Гераклом. С места вкарьер он приложил меня ломом по голове, отчего все вокруг заплясало, затрещало и помчалось колесом, отчего казалось, что каждый сустав в моём черепе напрягнулся, заставив его перекрывать соседний. Потом мир погрузился во тьму, и я больше ничего не ощущал и вообще ничего не понимал – по крайней мере, какое-то время. Когда я снова пришёл в себя, я сидел под дубом, на траве, и передо мной открывался прекрасный сельский пейзаж – почти целиком – эдакая классическая живописная пастораль. Не совсем, правда, потому что на меня сверху вниз пялился какой – то парень верхом на лошади, словно сошедший с картинки в книжке, посвящённой копам. Он был с головы до ног закован в старинные железные доспехи, на голове у него был шлем в форме бочонка для гвоздей с прорезями; и у него были щит, меч и огромное тупое копьё; и на его коне тоже были доспехи, а из-за лба торчал стальной рог, и великолепная красная и зелёная шёлковая сбруя свисала вокруг него, как покрывало, почти до земли.

– Благородный сэръ, вы готовы? – спросил этот парень.

– Чего? К чему я должен быть готов?»

– Готовы ли вы сражаться за землю, за леди или за...

– Что вы мне несёте? – сказал я, – А ну, возвращайся в свой цирк, сынок, или я сдам тебя в полицейский участок!

И что же теперь делает этот человек, как не отступает на пару сотен ярдов, а затем бросается на меня изо всех сил, пригнув свой бочонок с гвоздями почти к шее лошади и направив длинное копьё прямо вперёд, на меня? Я видел, что он настроен вполне серьёзно, и сосредоточился, поэтому был высоко на дереве, когда он приблизился.

Он заявил что отныне я – его собственность, то есть стал пленником его копьё. На его стороне были аргументы – и большая часть преимуществ, – поэтому я решил, что лучше всего ему не перечить. С сумасшедшими лучше не спорить, у меня уже был печальный опыт таких встреч. Мы заключили соглашение, по которому я должен был мирно пойти с ним, а он не должен был причинять мне никакого вреда. Я спустился с дуба, и мы двинулись в путь. Я шёл рядом с его лошадей. Мы шли спокойно, через поляны и ручьи, которых я, помнится, раньше никогда не видел, что отчасти озадачивало меня и заставляло задумываться, – и всё же мы не набрали ни на какой цирк, о ужас, ни на какие признаки цирка мы не нарвались. Поэтому я отказался от идеи устроить цирк и пришёл к выводу, что он сбежал из сумасшедшего дома. Но мы так и не попали в психиатрическую лечебницу, никаких психиатрических клиник в лесу

тоже не было, так что я, можно сказать, оказался в тупике. Возможно, это был гордый, одинокий сумасшедший, скрывавшийся в лесу – сумасшедший пилигрим! Кажется, в прежние века их называли столпниками, пустырниками или дупляниками. Я спросил его, далеко ли мы от Хартфорда. Он надменно бросил, что никогда не слышал и не хочет слышать о таком городе, я воспринял это как откровенную ложь, но не стал возражать. Через час, перевалив через крутой холм, мы увидели далёкий город, спящий в долине у извилистой реки, а за ним, на другом холме, высилась огромная серая крепость с башнями, вымпелами и дымом из труб, точно такая, какую я когда-то впервые увидел на картинках в школьном учебнике истории.

– Бриджпорт? – спросил я, обводя окрестности пальцем и надеясь, что он знает английский язык в совершенстве.

– Камелот! – лениво сказал он, констатируя нечто само собой разумеющееся.

Меж тем мой незнакомец стал проявлять признаки сонливости. Он ловил себя на том, что клюёт носом, и однажды улыбнулся одной из своих жалких, сморщенных улыбок, после чего сказал:

– Я в курсе, что не в состоянии продолжать, простите, но всё равно пойдёмте со мной, я всё это записал, и вы можете потом прочитать, если захотите. Тут недалеко!

В своей комнате он первым делом сказал:

– Сначала я вёл дневник, потом, спустя годы, я взял этот дневник и превратил его в книгу! Великую книгу! Как давно это было, боже мой!

Он протянул мне свою засаленную рукопись и указал место, с которого я должен был начинать:

– Начинайте с этого места – я уже рассказывал вам, что было до того!

К тому времени, как я принялся за чтение, он уже был всецело погружён в дремоту. Когда я выходил из его комнаты, я услышал, как он сонно пробормотал:

– Желаю вам хорошего дня, прекрасный сэръ!

Я сел у камина и осмотрел свое сокровище.

Первая его часть – большая часть – представляла собой пожелтевший от времени пергамент. Я внимательно рассмотрел первый лист и увидел, что это палимпсест. Под старым расплывчатым росчерком историка – янки виднелись следы ещё более древнего и тусклого текста – какие-то мудрёные латинские слова и предложения: очевидно, фрагменты из старых монашеских легенд и преданий.

Я открыл указанное моим незнакомцем место и начал читать – и вот что там было:

«ПОВЕСТЬ О ЗАТЕРЯННОЙ СТРАНЕ»

Глава I. КАМЕЛОТ

«Камелот – Камелот...», – сказал я про себя, – Кажется, я не припомню, чтобы слышал о нём раньше. Скорее всего, это название приличной психиатрической лечебницы где-нибудь в окрестностях Йоркшира!

Я посмотрел на мир перед собой.

Это был мягкий, умиротворяющий летний пейзаж, райская пастораль, прекрасная, как сон, и такая же одинокая, как воскресенье. Воздух был наполнен ароматом цветов, жужжанием шмелей и пчёл, щебетанием юрких птиц, и меж тем вокруг не было ни людей, ни повозок, не было никакого движения жизни, ничего не происходило. Как будто время остановилось.

Дорога представляла собой в основном извилистую тропинку, изрытую следами копыт, а по обе стороны от неё в траве время от времени появлялись едва различимые следы колёс – колёс, у которых, по-видимому, были шины шириной в ладонь. Вскоре на нашем пути возникла стройная девочка лет десяти с водопадом золотистых волос, струящихся по плечам. На голове у неё был венок из огненно-красных маков. Это был самый прелестный наряд, какой я когда-либо видел. Она лениво прогуливалась по траве и, судя по виду, её душа была умиротворена и безмятежно-покойна. Счастливое умиротворение отражалось на её невинном детском личике. Циркач не обращал на неё внимания; казалось, он её даже и не замечал. А она его заметила – она была поражена его фантастической раскраской не больше, чем я каким-нибудь уличным клоуном, как будто привыкла видеть таких чудиков каждый божий день. Она прошла мимо так же равнодушно, как прошла бы мимо пары пасущихся коров, но когда она случайно заметила меня, всё изменилось! Она подняла руки и окаменела – рот у неё отвис, глаза смотрели теперь широко и испуганно, она являла собой воплощение изумлённого любопытства, смешанного со страхом. И вот она застыла, глядя на меня широко раскрытыми глазами, словно зачарованная, пока мы не завернули за угол леса и не скрылись из виду. То, что она испугалась меня, а не того мужчины, было для меня слишком большим потрясением – я не мог понять, в чём дело. И то, что она, казалось, рассматривала меня как потрясающее воображение зрелище и полностью упускала из виду свои собственные достоинства в этом отношении, было еще одной загадочной вещью, а также проявлением великодушия, которое было удивительным в столь юном возрасте.

Я обрёл в этой картине пищу для размышлений. Я двигался вперёд, как во сне. По мере приближения к городу стали появляться признаки жизни. Время от времени мы проезжали мимо какой-нибудь жалкой хижинки с соломенной крышей, а вокруг неё всегда были небольшие поля и садовые клочки, почти не обработанные. Там были и люди – мускулистые мужчины с длинными, жесткими, нечёсанными волосами, которые свисали им на лица и делали их похожими на животных. Они и женщины, как правило, были одеты в одинаковые, грубые холщовые рубахи, значительно ниже колен, и грубые доморощенные сандалии, на многих были железные ошейники. Маленькие мальчики и девочки почти всегда бегали голяком, но, казалось, никто не замечал этого. Все эти люди пялились на меня, как написанную торбу, говорили обо мне, забегали в хижинки при моём появлении и приводили свои семьи поглазеть на меня. Но никто никогда не обращал внимания на этого другого человека, разве что скромно некто здоровался с ним и не получал ответа за свои старания.

В городке было несколько солидных каменных домов без окон, разбросанных среди множества крытых соломой хижин. Улицы представляли собой простые кривые немощёные переулочки. Об архитектуре и красной линии здесь никто не имел никакого понятия, и все дома стро-

ились по вдохновению их хозяев. Стаи собак и голых детей играли на Солнце, горланили, пищали и шумели; свиньи с довольным видом бродили по округе, похрюкивая, а одна из них возлежала в вонючей луже посреди главной улицы и кормила грудью своё многочисленное семейство.

Вскоре вдали послышались звуки военного марша, громкие звуки близились, потом стали ещё ближе, и вскоре показалась благородная кавалькада, великолепная, со шлемами под плюмажами, сверкающими кольчугами, развевающимися знамёнами, богатыми камзолами с золотым шитьём, попонами и блестящими наконечниками копий, и сквозь грязь, хрюканье свиней, голых отродий, весёлых, грязных собак и ветхие хижины кавалькада доблестно и мерно продвигалась вперёд, расчищая путь, и мы последовали за ней. Мы прошли по одному изви-листому переулку, затем по другому, – и поднимались, все время поднимались в гору, – пока, наконец, не достигли продуваемой ветром площадки, на которой возвышался огромный чёр-ный замок.

Раздался звук горна, затем со стен раздались гортанные голоса, начались переговоры, наверху латники в кольчугах и морионах маршировали взад-вперёд с алебардами на плечах под развевающимися знамёнами, на которых была грубо намалёвана фигура дракона; а затем распахнулись большие ворота, подъёмный мост с хрустом опустился, как огромный каменный топор. Наконец после долгой суеты ворота были подняты, и голова кавалькады устремила-сь вперёд, в горловину, поскакала под хмурые своды, и мы, проследовав за ними, вскоре ока-зались в центре большого мощёного грубыми камнями двора, с башнями, уходящими ввысь во всех четырёх углах, от которых кружилась голова, а вокруг нас повсюду гремели доспехи, спешивались всадники, изрыгая разноголосицу неразборчивых приветствий, издали похожих на бурчание. Я не понимал их странных церемоний! Беготня взад и вперёд не прекращалась ни на миг, вовлекая в этот веселый калейдоскоп движение людских толп, шум и множа нераз-бериху людей, цветов и теней, которые создавали в целом приятную суету.

Глава II. ДВОР КОРОЛЯ АРТУРА

Уловив малейшую возможность, я незаметно проскользнул в сторонку, тронул за плечо какого-то утлого старичка, выглядевшего более чем заурядно, и сказал вкрадчиво и конфиденциально:

– Друг, слушай, сделай мне одолжение! Ты работаешь служкой в психиатрической клинике, как я понял, или просто прикалываешься в гостях? Или что-то в этом роде?

Он тупо оглядел меня с ног до головы и сказал:

– О, достославный прекрасный сэръ, мне кажется...

– Всё! Этого достаточно! – сказал я, – Сочувствую кам, как пациенту! Я вам помочь не в состоянии!

Я отошёл, размышляя и в то же время высматривая любого случайного прохожего в здравом уме, который мог бы пройти мимо и пролить на меня хоть какой-то свет. Мимо меня пронеслась какая-то тень. Я решил, что наконец-то нашёл что-то стоящее, поэтому тут же отвёл его в сторону и сказал ему на ухо:

– Если бы я мог увидеться со старшим ветеринаром на минутку, всего на минутку...

– Пожалуйста, не пытайтесь воспрепятствовать мне...

Он был достаточно силён и вырывался, как следует.

– Воспрепятствовать чему?

– Короче! Не мешай мне, если тебе так больше нравится! Понял?

Затем он сказал, что он здесь младший повар и не может остановиться даже на секунду, чтобы посплетничать, хотя с удовольствием посплетничал бы в другой раз, когда будет досуг, потому что ему было бы приятно вызнать, где я достаю свою одежду... Уходя, он указал куда-то мимо меня и сказал, что вон тот человек достаточно подходит мне и, без сомнения, ищет меня и достоин моего внимания.

Это был тонкий, как былинка, стройный мальчик в колготках креветочного цвета, которые делали его похожим на раздвоенную редиску. Остальная его одежда была из голубого шёлка, изящных кружев и оборок, у него были длинные, тщательно расчёсанные золотистые кудри, и вдобавок он носил украшенную перьями розовую атласную шапочку, кокетливо сдвинутую на ухо. Судя по его виду, он был добродушен, а по походке – даже чересчур доволен собой. Что спорить, он был достаточно хорош собой, чтобы сойти с роскошного, изъеденного червями, древнего портрета, какие тут висели во всех коридорах.

Он подошёл и остановился в трёх шагах от меня, и стал пристально, с нескрываемым любопытством и наглым прищуром впериваться в меня, с улыбкой, а потом сказал, что пришёл за мной. Попутно он сообщил, что он заглавная буква среди пажей.

– Да ладно трепаться! – сказал я, – Ты не больше петита, малыш!

Это была довольно грубоватая шуточка, и я надеялся, что он будет уязвлён, однако его это нисколько не задело – казалось, он даже не подозревал, что ему хотели причинить боль. Наверно, шутка не достигла его мозга. Пока мы шли, он начал болтать и смеяться, не прекращая, весело, бездумно, по – мальчишески, и я сразу же подружился с ним, а он задавал мне всевозможные вопросы обо мне и о моей одежде, но никогда не ждал ответа – всегда говорил сам, болтал без умолку, не давая мне вставить даже слово, как будто ничего не знал о правилах приличия. Я уже не знал, зачем он задаёт эти вопросы, если на них можно не отвечать и просто внимал ему, пока, наконец, случайно не упомянул, что родился в начале 513 года.

В каком году? -переспросил тогда я.

У меня от этого мурашки побежали по коже! Я остановился и сказал чуть слышно:

– Слушай... Кажется, я не расслышал... Или ослышался... Повтори ещё раз – и медленно! Какой это был год?

– 513-й!

– 513-й? А ведь по тебе не скажешь! Ну же, мой мальчик, я здесь чужой, у меня нет друзей, будь честен и благороден со мной! Ты в своем уме?

Он сказал, что в своём. В чём же ему быть?

– А эти другие люди в своем уме?

Он сказал, что в своём.

– А это не сумасшедший дом случайно? Я имею в виду, это не то место, где лечат сумасшедших?

Он сказал, нет, это не так. Их, что, ещё и лечить нужно? Тогда всё надо превратить в один сплошной госпиталь!

– Ну, тогда, – сказал я, – либо я сумасшедший, либо произошло что-то столь же ужасное! А теперь скажи мне, честно и правдиво, где я нахожусь?

– При дворе короля Артура!

Я подождал минуту, чтобы эта мысль, содрогаясь в корчах, наконец дошла до меня, а затем спросил:

– И, по-твоему, какой сейчас год?

– 528-й, девятнадцатое июня!

Говорил он так спокойно и уверенно, что я содрогнулся. Я почувствовал, как у меня сжалось сердце, и пробормотал:

– Всё! Я никогда больше не увижу своих друзей – никогда, никогда! Они родятся только через тринадцать столетий!

Я, сам не знаю почему, поверил мальчику. Что – то во мне, казалось, было к нему расположено и поверило ему – мое сознание, если можно так выразиться, ему поверило, но мой рассудок – нет, он не мог в это поверить. Мой рассудок сразу же стал возмущаться и выходить из себя; это было естественно. Я не знал, как мне его удовлетворить, потому что знал, что показания людей не помогут – мой разум скажет, что они сумасшедшие, и с ходу отвергнет их свидетельства. Но внезапно я наткнулся на то самое, что мне нужно, просто по счастливой случайности. Я знал, что единственное полное солнечное затмение в первой половине VI века произошло 21 июня нашей эры 528 года по восточному времени и началось в 3 минуты 12-го пополудни. Я также знал, что в текущем году, то есть в 1879 году, полного солнечного затмения не предвиделось. Итак, если бы я мог не позволять своему беспокойству и любопытству разъедать мне сердце в течение сорока восьми часов, я бы тогда точно узнал, говорил ли мне этот мальчик правду или нет.

Поэтому, будучи практичным человеком из Коннектикута, я выбросил всю эту муторную ахинею из головы до тех пор, пока не настанет назначенный день и час, и обратил всё свое внимание на сегодняшние обстоятельства, чтобы быть бдительным, готовым ко всему, дабы извлечь из всего этого максимум возможного.

Мой девиз – делать всё по порядку и выкладываться по полной, как говорится, «Лови козыря», даже если у тебя на руках всего две двойки и валет. Я решил для себя вот что: если на дворе всё ещё девятнадцатый век, а я нахожусь среди сумасшедших и не могу сбежать, будь я проклят, если я скоро стану начальником этого приюта лунатиков или узнаю причину общего сдвига во фазе; а если, с другой стороны, на дворе действительно был шестой век, что ж, высами на меня навалились: через три месяца я бы уже гарантированно управлял всей страной, потому что, по моим расчетам, я был бы здесь бы самым образованным человеком в королевстве, потому что появился на свет тридцать веков позднее всех этих двуногих. Я не из тех, кто тратит время попусту. После того, как я принял решение, надо было что-то делать, поэтому я сказал пажу:

– А теперь, Кларенс, мой мальчик, – если тебя, случайно, так зовут, – я попрошу тебя немного ввести меня в курс дела, если ты не возражаешь, конечно. Как зовут того призрака, который притащил меня сюда?

– Моего и твоего господина? Это славный рыцарь и великий лорд сэра Кэй, сенешаль, молочный брат нашего сеньора короля!

– Очень хорошо, продолжай, расскажи мне всё поподробнее.

Он рассказал мне длинную историю, но меня больше всего заинтересовало вот что: он сказал, что я пленник сэра Кэя и что в соответствии с обычаем меня бросят в темницу и будут держать там на хлебе и воде, до тех пор, пока мои друзья не выкупят меня – если только я случайно я не сдохну в плену у рыцаря Кая! Я сразу понял, что у меня «последнего шанса» гораздо больше, но не стал тратить время на сетования и грусть – время для этого слишком дорого. Далее паж сказал, что обед в большом зале к этому времени уже почти закончился и что, как только начнется веселье и обильная выпивка, сэра Кэй пригласит меня и представит перед королём Артуром и его прославленными рыцарями, проводящими время за круглым столом, и будет хвастаться своим мастерским подвигом, позволившим ему так ловко захватить меня в плен, и, вероятно, немного преувеличит свои успехи, но с моей стороны будет крайне нехорошо поправлять его, да это и не слишком безопасно; и когда я закончу выставляться напоказ, тогда скажут – пошёл в темницу; но он, Кларенс, пренебреженно уж найдёт способ время от времени навещать меня, подбадривать и помогать мне связаться с моими друзьями, чтобы вытребовать у них деньги.

Связаться с моими друзьями! Я поблагодарил его как можно деликатнее, поскольку не мог поступить иначе; и примерно в это время пришёл лакей и сказал, что меня ждут. Кларенс провёл меня внутрь замка, отвёл в сторонку и сел рядом. Что ж, зрелище, представшее предо мной, было прелюбопытное и более чем занимательное. Это было огромный выгон, довольно голое место, одни голые стены – да, и притом сколько кричащих контрастов. Замок было очень, очень величественным, даже слишком величественным, таким величественным, что знамена, свисавшие с арочных балок, плавали в каком-то далёком мороке, растворялись в полумраке; и во все стороны высоко вверху шли галереи с каменными перилами. На одной из таких галерей расположились музыканты, а на другой – женщины, облачённые в наряды потрясающих расцветок. Пол был выложен большими каменными плитами в чёрно-белые квадраты, довольно потрепанные временем и исшарканные подмётками, и явно нуждался в ремонте. Что касается украшений, то, строго говоря, их не было; хотя на стенах висело несколько огромных гобеленов, которые, вероятно, считались выдающимися произведениями искусства и очень ценились владельцами, на них были изображены искажённые фигуры воинов, с лошадьми, похожими на тех чудовищ, которые дети вырезают из бумаги или лепят теста при приготовлении пряников; это были люди в чешуйчатых доспехах, чешуя которых изображалась круглыми дырками, так что лицо мужчины, которое должно было быть наиболее выразительным, при этом выглядело так, как будто пышное печенье, исколотое большими вилками.

Там был камин, достаточно вместительный, чтобы внутри мог быть разбит большой военный лагерь, а его выступающие бока и колпак, украшенные почерневшей резьбой и колоннами из камня, были не ниже дверей какого-нибудь кафедрального собора. Вдоль стен стояли вооруженные фигуры в нагрудниках и морионах, манекены с алебардами в руках – неподвижные статуи – именно так они и выглядели. Посреди этой широкой, сводчатой пустоши торчал грубый дубовый стол, который они называли Круглым. Он был размером с цирковой манеж, а вокруг него сидело множество мужчин, одетых в такие разнообразные, причудливые и яркие наряды, что от них рябило в глазах. Они все были в шляпах с перьями. Это был просто лес плюмажей и букетов из перьев! Шляпы они не снимали, за исключением тех случаев, когда кто-нибудь обращался непосредственно к королю и только начинал речь, он в это мгновение слегка приподнимал шляпу и перекашивал рот.

В основном они пили из полных до краёв бычьих рогов, но некоторые по-прежнему дожёвывали хлеб или доглядывали говяжьи кости. На одного человека приходилось в среднем по две собаки – они сидели в выжидательных позах, пока им не бросали обглоданную кость, на которую они набрасывались буйными сворами и бандами, и тогда начиналась драка, которая наполняла пространство воем и хаосом сталкивающихся голов, тел. и мелькающих всюду хвостов, и волна воя и лая на время заглушала все разговоры, однако это не имело значения для собравшихся, потому что собачья драка всегда вызывала больший интерес. Мужчины тогда привставали, чтобы лучше разглядеть свару и делали ставки, а дамы и музыканты с той же целью перегибались через перила, и время от времени раздражались восторженными воплями и смехом. В конце концов пёс-победитель удобно растянувшись на полу и зажав заслуженную в битве кость между лапами, принимался рычать над ней, грызть её и пачкать ею пол, как это делали остальные пятьдесят других псов, в то время, как остальные придворные возвращались к своим прежним занятиям и развлечениям. Как правило, речь и поведение этих людей были любезными и обходительными, и я заметил, что они были хорошими слушателями, когда кто –нибудь что-нибудь рассказывал – я имею в виду, в перерывах между собачьими боями, все молча склоняли головы. И, к тому же, было очевидно, что они были по-детски наивны. Они с места в карьер принимались лгать друг другу самым изысканным образом, с самой нежной и подкупающей наивностью и доброжелательностью, готовые выслушать чью угодно ложь до конца, проглотить её и тут же в неё поверить. Трудно было ассоциировать их с чем-то жестоким или ужасным, и все же они рассказывали истории о крови и страданиях с таким бесхитростным, наивным удовольствием, что, слушая их, я почти перестал содрогаться. Я был не единственным пленником, присутствовавшим здесь. Таких было человек двадцать, а то и больше. Бедняги, многие из них были искалечены, изрублены, искромсаны самым жутким образом; их волосы, лица, одежда были покрыты чёрными запекшимися потеками крови и синяками. Они, конечно, испытывали страшную физическую боль; без сомнения, они были измотаны, испытывали голод и жажду; и, по крайней мере, никто не позаботился о том, чтобы их умыли или хотя бы приложили к их ранам повязки или бинты; но вы никогда бы не услышали, чтобы они стонали, и не могли увидеть, как они это плачут – они не проявляют никаких признаков ужаса или склонности жаловаться. В моей голове стучала мысль: «Негодяи, они сами недавно были такими – в своё время они так же зверски служили другим людям; теперь настала их очередь, и они не ожидают и не заслуживают лучшего обращения, чем это; поэтому их философская позиция не является результатом умственной деятельности, интеллектуальной стойкости, рассуждения; это просто животное поведение тренируются, они – белые индейцы.»

Глава III. РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

В основном выступления за круглым столом состояли из выпретенных монологов – повествований о приключениях, в ходе которых эти заключённые были захвачены в плен, а их друзья и покровители убиты и лишены драгоценностей коней и доспехов. В целом – насколько я мог понять – эти кровавые приключения не были вылазками, предпринятыми для того, чтобы отомстить за нанесенные раны, или уладить старые споры или внезапные размолвки; нет, как правило, это были просто дуэли между незнакомцами – дуэли между людьми, которые даже не были представлены друг другу, и между которыми не было никаких причин для обид. Много раз я видел, как двое незнакомых мальчиков, случайно встретившись, одновременно говорили: «Я тебе задам сейчас!» – и тут же приступали к делу; но до сих пор я всегда думал, что такие вещи свойственны только детям и являются признаком того, что они находятся в состоянии детства; но вот эти большие болваны цеплялись за это невинное детство и гордились им, пока не достигали совершеннолетия и далеко не выходили за его пределы. И все же было что-то очень притягательное в этих огромных простодушных дебилах, что-то трогательно-привлекательное и милое. Казалось, что во всем детском саду не хватит мозгов, чтобы насадить наживку на рыболовный крючок; но через некоторое время зрители, как ни крути, переставали обращать на это внимание, потому что вскоре понимали, что мозги в таком обществе собственно говоря абсолютно не нужны, и они действительно испортили бы всё, помешало бы этим двуногим общаться привычным образом, нарушило бы общую симметрию – и возможно, сделали бы многовековое существование невозможным.

Почти в каждом лице сквозила мужественность, а в некоторых – определенная возвышенность и даже гуманизм, которые как бы опровергали объективные оценки и критику, успокаивая постороннюю брезгливость. Благороднейшая доброта и чистота отражались на лице того, кого они называли сэром Галахадом, и на лице короля сияла та же маска, и какое величие при этом являлось в гигантской фигуре и благородной осанке сэра Ланселота Озерного!

Вскоре, однако, произошёл инцидент, который привлёк всеобщее внимание к этому великолепному сэру Ланселоту. По знаку, поданному кем-то вроде церемониймейстера, шестерка или восьмёрка заключённых встали и выступили перед столом, опустили на колени на пол и, театрально подняв руки к дамской галерее, попросили позволения переговорить с самой королевой. Дама, стоявшая на самом видном месте в этой огромной клумбе женских бутонов и кружев, склонила голову в знак согласия, и тогда представитель заключённых предал себя и своих товарищей в её лучезарные длани для помилования, выкупа, взятия в полон или смерти, как она пожелает; и по его словам, он делал это по приказу сэра Кэя, сенешаля, чьими пленниками они были, поскольку он победил их благодаря своей несравненной силе и доблести в ожесточенной схватке на поле боя. Удивление промелькнуло на лицах всех присутствующих в зале. Довольная улыбка королевы погасла при упоминании имени сэра Кэя, и она казалась разочарованной. Паж прошептал мне на ухо с грубым акцентом и манерами, выразившими крайнюю насмешливость:

– Сэр Кэй, несомненно! Ха, поверю я тебе на слово! О, называй меня ласкательными кличками, девочкой, моей дорогушкой, или морской свиньёй! В очередной раз за тысячу лет нечестивое воплощение человека будет трудиться не покладая ума, чтобы снова породить такую величественную ложь!

Все взгляды устремились к сэру Кэю с суровым вопросом. Но он был на высоте положения. Он встал и разыграл свою партию, как мажор, чуя, что очседлал вершину горы – и у него все взятки гладки. Он сказал, что изложит дело в точном соответствии с фактами; он расскажет простую, незамысловатую историю без собственных комментариев и измышлений!

– И тогда, – сказал он, – если вы сочтете, что он заслуживаете славы и почестей, вы отдадите их тому, кто является самым могущественным человеком среди тех, кто когда-либо был гордо нёс щит или сражался мечом в рядах вокруг христианских воинов – вот он, кто сидит вон там! – и указал на сэра Ланселота.

Ах, как он потряс их всех! Это был потрясающий финт ушами! Затем он продолжил и рассказал, как сэр Ланселот, разумеется, искавший приключений, спустя некоторое время убил семерых великанов одним взмахом своего меча и освободил сто сорок две плененных девиц; а затем отправился дальше, всё ещё чая приключений, и нашел его (сэра Кэя) сражающимся с другим отчаянным противником. сразился с девятью чужеземными рыцарями и сразу же взял сражение исключительно в свои руки и победил девятерых; и в ту ночь сэр Ланселот тихо поднялся, и облачился в доспехи сэра Кэя, и взял коня сэра Кэя, и увёз его в дальние края, и победил ещё шестнадцать рыцарей в одном сражении и тридцать четыре в другом; и всех их, а также первых девятерых, он заставил поклясться, что на Троицу они прискачут ко двору Артура и передут их в руки королевы Гиневры, как пленников сэра Кэя, сенешаля, добычу его рыцарской доблести! И вот теперь эти полдюжины здесь, а остальные присоединятся, как только смогут залечить свои ужасные, кровавые раны. Что ж, было так трогательно видеть, как королева краснеет и улыбается, выглядя смущённой и счастливой и бросает украдкой взгляды на сэра Ланселота, за которые его наверняка в Арканзасе сразу пристрелили бы. Все восхваляли доблесть и великодушие сэра Ланселота, а что касается меня, то я был совершенно поражен тем, что один человек, в одиночку, смог разбить и взять в плен такие батальоны опытных бойцов. Я сказал об этом Кларенсу, но этот насмешливый болван сказал только:

– Если бы у сэра Кэя было время влить в себя ещё хотя бы один мех кислого вина, вы бы видели, что дебит удвоился!

Я с грустью посмотрел на мальчика и увидел, как на его лицо набежала тень глубокого уныния. Я устремился по направлению его взгляда и увидел, что очень старый седобородый человек, одетый в развевающуюся чёрную мантию, поднялся и стоит у стола на нетвердых ногах, слабо покачивая своей дряхлой головой и оглядывая собравшихся водянистым блуждающим взглядом. То же страдальческое выражение, какое поселилось на лице пажа, можно было наблюдать на всех лицах вокруг – выражение тупых существ, которые знают, что должны терпеть и не стонать.

– Господи, опять та же лажа! – вздохнул мальчик. – Опятьта же старая нудная хрень, он рассказывал её не менее тысячи раз одними и теми же словами и будет повторять до самой смерти, каждый раз, когда наполнит свою утробу винишком и почувствует, что мельница его бреда снова заработала. Господи, чтоб я сдох и не видел этого!

– Кто это?

– Мерлин, могущественный лжец и волшебник, да сгинет он в аду! Пропадит ты пропадом за свою визгливую шарманку! Если бы люди не боялись его за то, что он повелевает штормами, молниями и всеми дьяволами, которые обитают в аду, по первому его зову, они бы уже много лет назад вывернули ему кишки наизнанку, чтобы добраться до этой истории и опровергнуть её. Он всегда говорит об этом в третьем лице, делая вид, что он слишком скромен, чтобы прославлять себя, – на него градом сыплются проклятия, несчастье – его удел! Добрый друг, пожалуйста, позови меня на вечернюю службу!

Мальчик устроился у меня на плече и притворился, что засыпает. Старик начал свой рассказ, и вскоре мальчик заснул на самом деле; заснули и собаки, и двор, и лакеи, и вереницы воинов, в общем, все. Монотонный голос продолжал звучать; со всех сторон доносился тихий храп, похожий на глубокий и приглушенный аккомпанемент духовых инструментов. Некоторые склонили головы на скрещённые руки, другие лежали на спине с открытыми ртами, которые издавали фистульные звуки; мухи жужжали и кусались, не причиняя никому вреда, крысы тихо выползали из сотен нор, шныряли повсюду и чувствовали себя как дома; а одна

из них, похожая на белку, уселась королю на голову и, держа в лапках кусочек сыра, грызла его и роняла крошки в лицо королю с наивной и дерзкой непочтительностью. Это была тихая сцена, успокаивающая душу и усталые глаза, исцеляя измученный дух.

Таков был рассказ старика.

Он сказал:

«И вот король с Мерлином отправились в путь и добрались до отшельника, который был хорошим человеком и величайшим на свете лекарем. И отшельник осмотрел все его раны и дал ему хорошие мази; и король пробыл там три дня, и раны его зажили так, что он мог ехать верхом, и он уехал. И пока они ехали, Артур сказал: «У меня нет меча и нет сил!» «Да, это так! – говорит Мерлин, – Я добуду тебе меч, который будет твоим, я могу это сделать! Так и ехали они, пока не подъехали к озеру, вода в котором была чистая, а акватория широкая, и посреди озера Артур увидел руку, облаченную в белое самитское одеяние, и в руке у неё был прекрасный меч.

– Смотри, – сказал Мерлин, – вон тот меч, о котором я говорил! С ним они увидели девушку, идущую по озеру.

– Что это за девушка? – спросил Артур.

– Это Владычица озера, – сказал Мерлин, – а в глубине того озера есть скала, и там такое же прекрасное место, как и любое другое на земле, и вид у него богат, и эта девица скоро придет к тебе, и тогда выскажи ей всё начистоту, чтобы она дала тебе тот меч!

Вскоре к Артуру подошла по воде прекрасная девушка и приветствовала его, а он её.

– Девушка, – сказал Артур, – что это за меч, который вон та рука держит над водой? Я бы хотел, чтобы он был моим, потому что у меня нет меча!

– Сэр Артур, король, – сказала девица, – этот меч принадлежит мне, и если ты сделаешь мне подарок, когда я попрошу тебя об этом, ты получишь от меня этот меч!

– Клянусь своей верой, – сказал Артур, – я дам тебе всё то, о чём бы ты ни попросила меня!

– Ну что ж, – сказала девица, – ступай вон на ту баржу и гребки к мечу, и возьми его вместе с ножнами, возьми его с собой, а я попрошу свой дар, когда придет время!

И сэр Артур и Мерлин спешили, и привязали своих коней к двум гигантским деревьям, и взошли они на корабль, и когда добрались до меча, который держала белая рука, сэр Артур схватил его за рукоять и взял его себе. И рука с перстнем скрылась под водой, как будто не бывала, и так они вышли на сушу и поехали дальше своей дорогой. И тут сэр Артур увидел богатый шатёр на пути своём.

– Что означает этот шатер? – спросил он.

– Это шатер рыцаря, – сказал Мерлин, – с которым ты сражался последним, сэр Пеллинор, но его там нет; он вступил в схватку с твоим рыцарем, по имени Эгглейм, и они сражались вместе, но в последний момент Эгглейм сбежал, а иначе он был бы убит! Он мёртв, и он гнался за ним до самого Карлиона, и мы скоро встретимся с ним на большой дороге!

– Хорошо сказано! – рёк Артур, – Теперь у меня есть меч, и теперь я сражусь с ним и отомщу ему так жестоко, как никогда никто нигде не мстил никому!

– Сэр, вы не должны этого делать, – сказал Мерлин, – ибо рыцарь устал от сражений и погони, он обессилен и вял, так что вам не стоит с ним возиться! Кроме того, ему нелегко будет сравниться ни с одним из ныне живущих рыцарей, и потому вот мой совет – пропустите его, не трогайте, ибо если он погибнет, то погибнет, а если жив будет, то сослужит вам хорошую службу за считанные годы и вашим сыновьям после вашей смерти. И вы увидите, что скоро настанет день, когда вы будете рады отдать ему в жёны свою сестру!

– Когда я увижу его, я сделаю так, как ты мне советуешь! – прорычал Артур. Тогда сэр Артур взглянул на меч, и тот ему так понравился, что сказал он: «Я не думал, что ты так хорош! Я не надеялся, что ты будешь моим!»

– Что тебе больше нравится, – вдруг спросил Мерлин, – меч или ножны?

– Мне больше нравится меч! – сказал Артур, блистая очами.

– Ты еще более неразумен, чем я полагал втуне, – сказал Мерлин, – ибо ножны стоят десяти таких мечей, ибо, пока они при тебе, ты никогда не прольёшь ни капли крови и никогда не будешь так сильно ранен, как мог бы; посему береги ножны и держи их всегда при себе! Аминь!

– Аминь! – подтвердил сделку Артур.

И вот они въехали в Карлион и по дороге встретились с сэром Пеллином; но Мерлин так ловко управился с ним, что Пеллинор не заметил Артура и проехал мимо, буквально в нескольких ярдах, не сказав ни слова.

– Я удивляюсь, – сказал Артур, – что рыцарь ничего не сказал! Что бы это могло значить?

– Сэр, – сказал Мерлин, – он не заметил вас, потому что, если бы он вас заметил, вы не так легко не отделались, и едва ли вы бы ушли от него живым.

Так они прибыли в Карлион, чему рыцари, проезжающие мимо, были рады. И здесь шло веселье и кутёж, какого ни в сказке сказать, ни пером описать. И когда они слышали о его приключениях, они удивились, что он так рискует собой в одиночку и встречается во все мутные истории. Но все верующие говорили, что это здорово – быть под началом такого вождя, который ввязывается в приключения, как сыр в масло, как это делали всегда другие бедные рыцари...

Глава IV. СЭР ДИНАДАН – ЮМОРИСТ

Мне казалось, что эта причудливая, цветистая, клюквенная ложь была рассказана очень просто и красиво, но ведь я слышал её всего один раз, и это имело значение; без сомнения, другим она нравилась, когда была свежей, а не протухла. Сэр Динадан, юморист, проснулся первым и вскоре разбудил остальных довольно скабрёзной шуткой. Шуток такого низкого пошиба надо было ещё поискать. Он привязал несколько металлических кружек к хвосту собаки и выпустил её на волю, и она в безумном испуге заметалась по дому, а все остальные собаки с лаем гнались за ней, натываясь на всё, что попадалось им на пути, и создавая в целом такой хаос, неразбериху и оглушительный грохот и суматоха, при виде которой все мужчины и женщины из толпы смеялись до слез, а некоторые падали со своих стульев и катались по полу в экстазе и разбивались в щепы. Это было так жесмешно, как пустить в штаны у многих детей.

Динадан был так горд своим подвигом, что не мог удержаться от того, чтобы не рассказывать снова и снова, до изнеможения, о том, как ему пришла в голову эта бессмертная идея; и, как это свойственно юмористам его породы, он продолжил смеяться над ней после того, как все остальные закончили ржать и угрюмо упёрлись глазами в пол. Он был так настроен, что решил произнести речь – разумеется, смешную, юмористическую речь. Думаю, я никогда в жизни не слышал столько старых, заезженных шуток, сплетённых воедино, как сплетается куча летучих мышей в куполе замка. Он был хуже самого худшего менестреля, хуже даже рыжего клоуна в цирке. Казалось особенно грустным сидеть здесь, за тринадцать столетий до моего рождения, и снова слушать жалкие, плоские, засаленные, изъеденные червями шутки, которые вызывали у меня только тоску и изжогу, когда я был мальчиком тринадцать столетий спустя. Это почти убедило меня в том, что новой шутки невозможно в принципе. Все шутки выдуманы ещё до нового времени и все они давным-давно заезжены. Все смеялись над этими древностями, но они всегда так делают; Я заметил это много веков спустя. Однако, конечно, главный насмешник не смеялся – я имею в виду мальчика. Нет, он насмехался; не было ничего, над чем бы он не насмехался. Он сказал, что большинство шуток сэра Динадана были гнилыми, какяблоко, а остальные – окаменелыми, как яйца динозавров. Я сказал, что «окаменелые» – это хорошо, поскольку я сам считал, что единственный правильный способ классифицировать величественный возраст некоторых из этих шуток – по геологическим периодам. Но эта блестящая идея всё равно поразила мальчика до глубины души, ибо геология тогда ещё не была изобретена. Тем не менее, я принял это замечание к сведению и решил рассказать об этом содружеству, если у меня получится. Бесполезно выбрасывать хорошую вещь только потому, что рынок ещё не созрел.

Тут сэр Кэй поднялся и принялся разжигать костёр своих баек и раскочегаривать свою историческую мельницу, подбрасывая мне новго топлива. Пришло время и мне настроиться серьёзно, и я это сделал. Сэр Кэй рассказал, как он встретил меня в далекой стране варваров, которые все были одеты в такие же нелепые одежды, как у меня, смешные дикари – одежду, которая была создана по волшебству и предназначалась для того, чтобы защитить того, кто её носит, от человеческих рук. Однако он молитвой свел на нет силу чар и убил тринадцать моих рыцарей в трехчасовом сражении, а меня взял в плен, сохранив мне жизнь, чтобы показать такую странную диковинку, какой я был для него, к удивлению и восхищению короля и двора. Он все время говорил обо мне самым любезным образом, как об «этом огромном великане», и «этом ужасном монстре высотой до небес», и «этом людоеде-пожирателе людей с клыками и когтями», и все воспринимали всю эту чушь самым наивным образом, но никогда не улыбались и, казалось, не обращали на меня внимания. Обратите внимание, что между этими размытыми статистическими данными и моими собственными было какое-то существенное расхождение.

Он сказал, что, пытаясь убежать от него, я одним прыжком запрыгнул на верхушку дуба высотой в двести локтей, но он сбросил в меня камнем размером с корову, который «раздробил» большую часть моих костей, а затем поклялся, что я явлюсь к Артуру, ибо это суд для вынесения приговора. Он закончил тем, что приговорил меня к смерти в полдень 21-го; и был так мало обеспокоен этим, что перестал зевать, прежде чем назвать дату. К этому времени я был в весьма удручённом состоянии; на самом деле, я едва ли был в здравом уме, чтобы продолжать возникший спор о том, как меня лучше убить, поскольку некоторые сомневались в возможности убийства из-за чар со стороны моей одежды. И всё же это был всего лишь обычный костюм из пятнадцатидолларовой забегаловки. Тем не менее, я был достаточно здравомыслящ, чтобы не заметить эту особенность, эту деталь, а именно: многие из терминов, употребляемых самым обыденным образом этим великим сборищем первых леди и джентльменов страны, заставили бы покраснеть от стыда любого необразованного команча. Неделикатность – слишком мягкое определение, чтобы передать эту мысль. Однако я читал «Тома Джонса», «Родерика Рэндома» и другие книги подобного рода и знал, что самые высокие и знатные леди и джентльмены Англии в те времена почти никогда не отличались чистотой и пристойностью в своих ораторских опытах, и скорее походили на косноязычных бандитов, чья мораль и поведение были во многом совершенно предсказуемыми. Лишь сто лет назад, фактически, в нашем собственном девятнадцатом веке – в этом счастливом, осенённом цивилизацией столетии, вообще-то говоря, появились самые ранние образцы настоящих ледей и крутых джентльменов, которых теперь можно обнаружить, засушенных как мух, на страницах английской истории – или на худой конец в истории Европы – если уж на то пошла пьянка, то надо резать последний огурец.

Предположим, сэр Уолтер, вместо того чтобы вкладывать разговоры в уста своих персонажей, позволил бы персонажам говорить самим за себя? У нас были бы речи Ребекки, Айвенго и кроткой леди Ровены, которые в наши дни смутили бы любого бродягу, вора или разбойника. Однако для жлобов все вещи деликатны. Люди короля Артура не знали, что неприлично, а что прилично, и у меня хватило присутствия духа и воспитания не упоминать об этом. Нельзя наступать на любимые мозоли аристократии. Они так переживали из-за моей заколдованной одежды, что в конце концов, почувствовали огромное облегчение, когда старый Мерлин разрешил их затруднение, объяснив это здравым смыслом. Он спросил их, почему они такие тупые и почему им не пришлось в голову сразу же раздеть меня? Через полминуты я был голый, как щепка на лесопилке! И боже мой, боже мой, подумать только: я был единственным смущённым человеком в этой банде. Все обсуждали меня, и делали это так беззаботно и мило, как будто я был кочаном капусты.

Королева Гиневра была так же наивно заинтригована, как и все прочие, и сказала, что никогда раньше не видела человека с такими причудливыми ногами, как у меня. Это был единственный комплимент, который я получил от неё, если это вообще можно было назвать комплиментом. В конце концов меня унесли в одном направлении, а мою опасную одежду – в другом. Меня запихнули в темную и узкую камеру в подземелье, где на ужин были скудные объедки и кости, вместо постели – заплесневелая солома, а единственными компаньонами и собеседниками были постоянные, чрезмерно любопытные крысы.

Глава V. ВДОХНОВЕНИЕ

Я так устал, что даже мои неизмеримые муки и страхи не смогли надолго удержать меня от сна. Когда я пришёл в себя, мне показалось, что я проспал чудовищно долго. Моей первой мыслью было: «Что ж, впервые в жизни какой удивительный сон я видел! Обычно сны обрывочны и хаотичны, а этот был какой-то празительно цветастый и подробный! Что бы это значило?» Думаю, я проснулся как раз вовремя, чтобы не быть повешенным, или утопленным, или сожжённым, или еще что-нибудь в этом роде... Ладно... Я снова вздремну, пока не раздастся свисток, а потом отправлюсь на оружейную фабрику и разберусь с Геркулесом». Но в этот момент я услышал резкую музыку ржавых цепей и болтов, в моих глазах вспыхнул свет, и передо мной предстал этот мотылёк, Кларенс! Я ахнул от удивления, и у меня чуть не перехватило дыхание.

– Что такое? – спросил я, – Ты еще здесь? Сон улетел, а ты остался! Иззуди, дьявол! Разбегайся, мираж!»

Но он только рассмеялся, в своей обычной беззаботной манере, и принялся подшучивать над моим жалким положением и комической позой.

– Хорошо, – покорно сказал я, – пусть этот сон продолжается, агу-агу тебя, я никуда не спешу, я и пешком постою!

– Какой сон, дурилка?

– Как, какой сон? Этот! Уйди, чудище, не то перекрещусь и прожгу тебя святой молитвой! Да, мне снится, что я нахожусь при дворе Артура – человека, которого никогда не существовало и который был высосан из пальца пьяными фантазёрами ушедших веков, и что я разговариваю с тобой, который всего лишь плод моего больного воображения!

– О, ля-ля! Несчастный! В самом деле! Больного! И ты даже не понимаешь, что очень скоро тебе не понадобится даже твоё чрезмерное воображение!

– Почему?

– По кочану! Скажи мне, как ты думаешь, это сон, что тебя завтра утром сожгут? Хо-хо, ответь мне на это! Ты спишь, чертила?

Потрясение, которое я испытал, было ужасающим. Теперь я начал понимать, что мое положение было в высшей степени шатким, серьёзным и абсолютно безнадёжным, сон это был или не сон; неважно, ибо по прошлому опыту я знал о правдивости сновидений, что сгореть заживо, даже во сне, было бы совсем не шуткой, а тем, к чему стоило бы стремиться. избегал любыми способами, честными или нечестными, какие только мог придумать. Поэтому я умоляюще сказал:

– Ах, Кларенс, хороший мальчик мой, единственный друг, который у меня есть, – ведь ты мой друг, не так ли? – не подведи меня; помоги мне придумать какой-нибудь способ выбраться отсюда!

– А теперь послушай себя! Побег? Да что ты, парень, коридоры охраняются вооружёнными людьми.

– Без сомнения, без сомнения. Но сколько их тут, Кларенс? Надеюсь, не так много?

– Человек двадцать, не меньше! Никому не стоит надеяться на спасение!

После паузы – нерешительно и робко он добавил:

– И помимо всего есть другие причины – и более весомые!

– Другие причины? Какие?

– Ну, не спрашивайте – о, я не смею, действительно не смею сказать! Поверьте мне, я не имею права!

– Бедный мальчик, что с тобой? Почему ты бледнеешь? Почему ты так дрожишь?

– О, в самом деле, как мне не дрожать? Я действительно хочу сказать вам, но...

– Ну же, ну же, будь храбрым, будь мужчиной – колись, хороший паренёк!

Он колебался, его влекло то в одну сторону желание, то в другую нёс страх, затем он подкрался к двери и осторожно выглянул наружу, прислушиваясь, а потом, наконец, подкрался ко мне вплотную, прижался губами к моему уху и сообщил мне свои страшные новости едва слышным шёпотом, со всем трепетом человека, который вынужден вступить на ужасную почву болота, броситься прямо в топь и говорить о вещах, одно упоминание о которых может быть чревато смертью.

– Мерлин в злобе своей наложил заклятье на эту темницу, и во всех королевствах не найдётся человека, который был бы настолько отчаянным храбрецом, чтобы попытаться покинуть это узилище вместе с тобой! Теперь, о Боже, сжался надо мной, я рассказал тебе всё! Ах, помилуй меня, будь добр ко мне, будь милостив к бедному мальчику, который желает тебе добра, ибо, если ты предашь меня, я погиб! Господи, помоги!

Я рассмеялся – это был мой единственный по-настоящему освежающий смех за последнее время, и крикнул:

– Мерлин наложил заклятье? Кто такой этот твой Мерлин? Этот дешёвый старый обманщик, этот болтливый старый осёл, кто он? Чушь, чистейшая чушь, глупейшая чушь на свете! Почему-то мне кажется, что из всех этих детских, идиотских, смешных, трусливых суеверий, которые... О, чёрт бы побрал этого Мерлина!

Кларенс рухнул на колени ещё до того, как я закончил, и был готов сойти с ума от страха.

– О, берегись! Это ужасные слова! В любой момент эти стены могут рухнуть на нас, если ты будешь говорить такие вещи! О, забери их обратно, пока ещё не слишком поздно!

Так вот, эта странная выходка натолкнула меня на хорошую идею и заставила задуматься. Если все здесь так искренне боялись мнимой магии Мерлина, как Кларенс, то, конечно, такой выдающийся человек, как я, должен был быть достаточно проницательным, чтобы придумать какой-нибудь способ извлечь выгоду из такого положения вещей. Я продолжал размышлять и разработал план. Тогда я сказал:

– Встань! Возьми себя в руки и посмотри мне в глаза! Ты знаешь, почему я смеялся?

– Нет, но, ради Пресвятой Богородицы, больше так не делай! Прошу тебя!

– Хорошо, я скажу тебе, почему я смеялся. Потому что я сам волшебник!

– Ты!

Мальчик отпрянул на шаг и замер, затаив дыхание, потому что это было для него как удар с грома посреди ясного неба; но вид у него стал теперь очень, очень почтительный. Я быстро обратил на это внимание; это указывало на то, что мошеннику не обязательно иметь репутацию в этом сумасшедшем доме; люди и без того готовы поверить ему на слово.

Я продолжил:

– Я знаком с Мерлином где-то семьсот лет, и он...

– Семь гуннов...

– Не перебивай меня! Он умирал и оживал тринадцать раз, и каждый раз путешествовал по миру под новым именем: Смит, Джонс, Сэнди, Янки, Робинсон, Джексон, Питерс, Хаскинс, Мерлин – каждый раз, когда он появлялся, у него был новый псевдоним и внешность. Я знал его в Египте триста лет назад, я якшался с ним в Индии пятьсот лет назад – он всегда возникал у меня на пути, куда бы я ни шёл; и он всегда утомлял меня своей наглой, нечеловеческой самоуверенностью. Он ни на грош не годился в качестве фокусника – знал всего лишь несколько старых замшелых фокусов, но так и не продвинулся дальше азов. Кажется, он и не продвинется никогда! Он вполне годился для провинции и тамошних тёмных аборигенов – для интрижек на одну ночь и тому подобного, знаете ли, – но, боже мой, ему не следовало бы изображать из себя эксперта – во всяком случае, там, где есть настоящий художник-творец. Послушай, Кларенс, клянусь, я всегда буду твоим другом, а взамен ты должен стать моим другом. Я хочу, чтобы ты оказал мне услугу. Я хочу, чтобы ты передал королю, что я сам волшебник, а также

Верховный великий Хай – ю-Мук-амук Дёрти Пен и Глава племени Азуров; и я хочу, чтобы он понял, что я просто потихоньку устраиваю здесь такое небольшенькое бедствие, от которого в королевствах пооеятаух и перья, если проект сэра Кея осуществится и мне причинят какой-нибудь вред. Ты передашь это королю от меня?

Бедный мальчик был в таком состоянии, что едва мог говорить. Было жалко узреть существо, столь напуганное, расстроенное, деморализованное, как он. Но он обещал всё сделать, и, со своей стороны, он заставлял меня снова и снова обещать, что в любых остоятельствах я останусь его другом и никогда не отвернусь от него, что я никогда не стану накладывать на него какие-либо чары, сглазы или заклятия. Затем он направился к выходу, держась рукой за стену, как больной.

Вскоре мне пришла в голову мысль: каким же беспечным я был! Когда мальчик успокоится, он задастся вопросом, почему такой великий волшебник, как я, должен был умолять такого мальчишку, как он, помочь выбраться из этого ада, он сопоставит это и то, и другое и увидит, что я обманщик!

Я целый час переживал из-за этого неосторожного промаха и за это время обозвал себя множеством грубых ругательств. Но, в конце концов, мне вдруг пришло в голову, что эти животные не мыслят здраво, что они никогда не сопоставляют одно с другим, что все их разговоры показывают, что они не замечают несоответствия, когда видят его. Логикой, как-никак, они не страдали совершенно. Тут только я и успокоился. Но как только человек обретает покой в этом мире, у него сразу же появляется повод для беспокойства. Мне вдруг пришло в голову, что я допустил ещё одну грубую и не менее нелепую ошибку: я отослал мальчишку, чтобы тот напугал вышестоящих моей угрозой – я намеревался придумать бедствие на досуге, а теперь люди, которые больше всего готовы проглотить чудеса, – это те, кто больше всего жаждет увидеть, как вы их совершаете и... Предположим, меня вызовут для испытания? Что если они утروют мне экзамен по волшебству и магии? Предположим, меня попросят назвать изобретённое мной несчастье? Да, я допустил грубую ошибку, мне следовало сначала придумать своё кромешное бедствие.

«Что мне делать? Что я могу сказать, чтобы выиграть немного времени?»

Я снова попал в беду, в самую настоящую беду! За что мне такие беды?

«Раздаются шаги! Они приближаются! Если бы у меня было хоть мгновение подумать... Хорошо, я понял! Со мной все в порядке! Эврика!».

Видите ли, это было затмение. В самый последний момент мне пришло в голову, как Колумбу, или Кортесу, или кому-то из этих людей однажды использовать затмение в качестве спасительного козыря для каких-то необразованных дикарей, и я ухватился за этот свой шанс. Сейчас я мог бы сыграть сценку сам, и это тоже не было бы плагиатом, потому что я исполнил бы её почти на тысячу лет раньше тех вечеринок.

Вошёл Кларенс, подавленный, расстроенный, и сказал:

– Я поспешил сообщить обо всём нашему сеньору королю, и он немедленно вызвал меня к себе. Он был напуган до глубины души и собирался отдать приказ о твоём немедленном возвышении, о том, чтобы тебя одели в прекрасные одежды и поселили, как подобает статусу такого великого человека... Но тут появился Мерлин и всё испортил, ибо всякими кознями и увёртками убедил короля, что ты безумец и не ведаешь, о чём говоришь. Он сказал, что твоя угроза – всего лишь глупость и пустая, ни на чём не основанная болтовня! Они долго спорили, но в конце концов Мерлин, усмехнувшись, сказал: «Почему он не назвал своего фирменного величайшего бедствия? Воистину, это потому, что он ничего не может, кроме как пускать пузыри и лгать прилюдно!».

Этот выпад совершенно неожиданно заставил короля замолчать, и он ничего не смог предложить, чтобы переломить ход спора... И вот, неохотно, не желая быть с вами невежливым, он всё же просит вас рассмотреть запутанность его жизненных обстоятельств, принять

во внимание, как обстоит дело, и всё-таки обозначить причину бедствия, дабы вы определили его природу и назвали время его свершения и конца. О, пожалуйста, не медлите; медлить в такое время – значит удвоить и утроить опасности, которые и так окружают вас! О, будь мудр – назови бедствие!»

Я позволил тишине сгуститься, насупился, чтобы создать впечатление нечеловеческого глубокомыслия, а затем сказал:

– Как долго я был заперт в этой мерзкой дыре?

– Вы сидели взаперти здесь во вчерашней вечера, хотя вчерашний день прошёл с пользой. Сейчас 9 часов утра!

– Так! Значит, я должен был хорошо выспаться! Сейчас девять утра! Гм! И всё же цвет лица у меня как у полуночника, вплоть до оттенка! Значит, сегодня 20-е число?

– Да, 20—е! Да!

– И завтра меня сожгут заживо, не так ли?

Мальчик вздрогнул.

– В котором часу?

– В полдень!

– А теперь я скажу тебе, что нужно сказать...

Я остановился и целую минуту стоял над этим съёжившимся парнем в ужасающей тишине; затем глубоким, размеренным, обречённым голосом я начал и драматическими ступенями поднялся до колоссальной кульминации, истинного крещендо, которого я достиг так возвышенно и благородно, как никогда не делал этого в моей жизни, – Возвращайся и скажи королю, что в этот час я погружу весь мир в глухую полуночную тьму, я затмю солнце, и оно никогда больше не засияет, и тогда плоды земли сгниют от недостатка света и тепла, а народы земли будут голодать и вымирать, пока не вымрут все, до последнего человека!

Мне пришлось самому выносить мальчика, в таком плачевном состоянии он был. Я передал его солдатам и вернулся.

Глава VI. ЗАТМЕНИЕ

В тишине и полной темноте моя фантазия ожила. Простое осознание факта кажется бледным и плоским, но когда ты начинаешь осознавать этот факт, он приобретает краски. Огромная разница между тем, чтобы услышать, как человека пронзают ножом в сердце, и увидеть эту сцену в трёх ярдов. В тишине и темноте осознание того, что я в смертельной опасности, с каждым разом приобретало все более глубокое значение; что-то, что было осознанием, дюйм за дюймом ползло по моим венам и заставляло меня холодеть и холодеть. Но это благословенный дар природы, что в такие моменты, как сейчас, как только ртуть в градуснике, измеряющем температуру тела человека, упав до предела, начинает подниматься и достигает определенной точки, наступает отвращение к любому исходу, появляется надежда и человек приходит в себя. Надежда – это спасительный круг, а вместе с ней приходит и бодрость духа, и тогда дух возвращается в свою обычную форму, позволяя человеку что-то сделать для себя, если вообще что-то можно сделать. Когда начался мой розыгрыш, он прошёл без сучка и задоринки. Я сказал себе, что мое солнечное затмение обязательно спасёт меня и сделает величайшим человеком в королевстве, и в тот же миг ртуть у меня поднялась до предела, и все мои тревоги улетучились. Теперь я был счастливее всех молодых на свете. Я даже с нетерпением ждал завтрашнего дня, мне так хотелось присутствовать на этом великом торжестве мести и быть центром всеобщего восхищения и почитания. Кроме того, в деловом плане это стало бы моим достижением, и я это знал. Между тем, одна вещь отодвинулась на задний план моего бредового сознания. Это была наполовину убежденность в том, что, когда этим суеверным людям будет сообщена природа предполагаемого мной бедствия, это произведет такой эффект, что они захотят пойти на компромисс. Итак, постепенно, когда я услышал приближающиеся шаги, эта мысль пришла мне в голову, и я сказал себе: «Несомненно, это компромисс! Что ж, если предложение хорошее, хорошо, я приму его; но если нет, я намерен стоять на своём и делать всё, что в моих силах.

Дверь открылась, и появились несколько вооруженных людей. Предводитель взревел:
– Кол готов! Входите!

Кол! Силы оставили меня, и я чуть не упал. У меня спёрло горла, стало трудно дышать, к горлу подступили комки, и я стал задыхаться, но как только я снова обрёл дар речи, я сказал себе:

«Это какая-то нелепая ошибка!!! Казнь назначена на завтра! На завтра!»
– Приказ изменён, казнь перенесена на день раньше! Поторопитесь!

Я был просто уничтожен! Всё! Конец! Отныне мне никто не мог помочь! Я был ошеломлён и мгновенно отупел и впал в ступор! Я больше ничего не владел пред собой, я только бесцельно бродил, как безумный ко каморке, елозил ногами, пока солдаты не схватили меня, не извлекли из камеры и обмякшего не потащили за собой по бесконечному лабиринту подземных коридоров. Наконец они выволокли меня под яростный свет фонаря, дневной свет. Я снова был в верхнем мире. Когда мы вошли в обширный закрытый двор замка, я был потрясён, потому что первое, что я увидел, был столб, воткнутый в центре, а рядом с ним – сложенный в огромную кучу сухой хворост... и монах в каких-то обносках... в каких-то кальсонах...

По всем четырём сторонам двора ряды сидящих людей возвышались над передними, образуя пологие террасы. Я чуть не зажмурился от этого мельтешения цветов!. Король и королева восседали на своих тронах, конечно, на своём пандусе они были самыми заметными фигурами. Чтобы заметить все это, потребовалась какая-то секунда.

В следующую секунду Кларенс выскользнул из какого-то укрытия и сообщил мне новость на ухо, его глаза сияли торжеством и радостью. Он сказал: «Это благодаря мне произошли перемены! И я тоже приложил немало усилий, чтобы добиться этого. Но когда я рассказал им

о грядущем бедствии и увидел, какой ужас оно породило, я также понял, что настало время нанести удар! А потому я старательно уверял того, другого и третью, что ваша сила против Солнца не достигнет своей полной силы до завтрашнего дня; и поэтому, если кто-то хочет спасти Солнце и мир, вы должны быть убиты сегодня, пока ваши чары еще только плетутся и всходят, как опара в кастрюле и не имеют силы. Тупая выдумка, ясно, что это была всего лишь тупая ложь, в высшей степени дурацкая выдумка, но вы бы видели, как они ухватились за неё и с какой бвстротой проглотили в безумии своего страха, как взмолились за спасение, посланное с небес; и все это время я смеялся про себя, видя, что они так дешево отделались обманутый и прославляющий Бога за то, что Он позволил самому ничтожному из Своих созданий быть Его орудием для спасения твоей жизни. Ах, как удачно все сложилось! Тебе не нужно будет причинять Солнцу настоящую боль – ах, не забывай об этом, клянусь твоей душой, не забывай этого! Только создай немного темноты – только самую малость, чуть-чуть, пусть они заметят это помрачение – и покончи с этим. Этого будет достаточно. Они увидят, что я говорил неправду, – будучи невежественным, как они представят, – и с падением первой волны этой тьмы ты увидишь, как они сойдут с ума от ужаса; и они тотчас же освободят тебя и сделают великим! Иди к своему триумфу, сейчас же! Но помни – о, добрый друг, умоляю тебя, вспомни мою просьбу и не причиняй вреда благословенному нашему Солнцу. Ради всего святого, ради меня, твоего истинного друга, прошу тебя!

От горя и несчастья дрожащим голосом я выдавил из себя несколько ободряющих слов, чтобы сказать, что пощажу Солнце, за что глаза парня облили меня таким водопадом глубоких взглядов, исполненных любящей благодарности, что у меня не хватило духу сказать ему, что его добросердечная глупость погубила меня и отправила на верную смерть. Когда солдаты помогали мне пересечь двор, тишина была такой глубокой, что, если бы у меня были завязаны глаза, я бы подумал, что нахожусь в одиночестве, а не окружен четырьмя тысячами согляда-таев. В этих людских массах не было заметно ни малейшего движения; они были неподвижны, как каменные истуканы, и бледны – на каждом лице буквально застыла маска ужаса.

Эта тишина продолжалась, пока меня приковывали цепями к столбу; она продолжалась и тогда, когда хворост аккуратно и нудно складывали вокруг моих лодыжек, коленей, бедер, всего тела. Затем наступила пауза и ещё более глубокая тишина, насколько это было возможно, и какой-то человек опустился на колени у моих ног с горящим факелом; толпа подалась вперед, вглядываясь, и, сами того не замечая, слегка привстала со своих мест; монах поднял руки над моей головой, устремив взгляд в голубое небо, и затеял бормотать какие-то слова на латыни; в такой позе он бубнил ещё и ещё, некоторое время, а затем остановился.

Я подождал два или три мгновения, затем поднял глаза – он стоял, окаменев. Повинуясь общему порыву, толпа медленно поднялась и уставилась в небо. Я проследил за их взглядами, уверенный, как в выстрелах, что мое затмение началось!

Жизнь закипела в моих жилах; я стал совсем другим человеком! Чёрный круг медленно расплзался по солнечному диску, моё сердце билось всё сильнее и сильнее, а собрание и священник по-прежнему неподвижно вперялись глазами в небо. Я знал, что в следующий раз этот взгляд будет обращен на меня. Когда это произошло, я уже был во всеоружии. Я стоял в одной из самых величественных поз, которые мне когда-либо доводилось принимать, с вытянутой вверх рукой, указывающей на Солнце. Это был великолепный эффект! Видели бы вы, как дрожь прокатилась по толпе, словно невидимая волна. Раздались два крика, один за другим: «Поднесите факел!» и «Я запрещаю это!»

Один принадлежал Мерлину, другой – королю. Мерлин вскочил со своего места – чтобы самому поднести факел, как я понял. Я сказал:

– Не двигайтесь! Всем оставаться на местах! Если кто –нибудь пошевелится – даже король – до того, как я разрешу, любого я поражу громом, я испепелю его молниями!

Зрители покорно опустили на свои места, а я просто ожидал, что они так и поступят. Мгновение или два Мерлин колебался, а я всё это время был как на иголках. Затем он сел, и я вздохнул с облегчением, потому что понял, что теперь я хозяин положения.

Король сказал:

– Будьте милосердны, благородный сэра, и не предпринимайте больше никаких попыток в этом опасном деле, иначе последует катастрофа! Нам сообщили, что ваши силы не смогут достичь своей полной силы до завтрашнего дня, но...

– Ваше величество считает, что отчет мог быть ложью? Это была ложь?

Это произвело огромный эффект: повсюду поднялись руки с мольбами, и на короля обрушился шквал просьб откупиться от меня любой ценой, и бедствие прекратилось. Король колебался и был готов подчиниться.

Он сказал:

– Называйте любые условия, преподобный сэра, вплоть до уменьшения моего королевства вдвое, возьмите половину моих владений, но избавьте меня от этого бедствия, пощадите Солнце! Оно заслуживает лучшей участи!

Мое удача была невероятной. Я бы немедленно занялся этим делом, но я не мог остановить затмение, об этом не могло быть и речи!

Поэтому я попросил время на размышление.

Король сказал:

– Как долго... ах, как долго, добрый сэра? Будьте милосердны, смотрите, с каждой минутой становится всё темнее. Скажите, как долго?

– Ещё чуть-чуть! Полчаса, может быть, час!

Раздались тысячи жалобных взвизгов, потом пронеслась волна протестов, но я не мог пресечь эту забаву, потому что не мог вспомнить, как долго длится полное солнечное затмение. Я все равно был в замешательстве и хотел подумать. Что-то было не так с этим затмением, и этот факт меня очень тревожил. Если бы это было не то, что я искал, как бы я мог определить, был ли это шестой век или всего лишь сон? Боже мой, если бы я только мог доказать себе, что это был шестой век!

Вот она, новая радостная надежда! Если мальчик был прав насчёт даты, а это, несомненно, был 20-й век, то это был не шестой век. В сильном волнении я схватил монаха за рукав и спросил, какой сегодня день месяца. Чёрт бы его побрал, этого мордатого чернокапюшонника, он сказал, что сегодня двадцать первое! Я похолодел, услышав это. Я умолял его вспомнить, не ошибся ли он, но он стоял на своём, как скала, и уверял, что сегодня 21-е число.

Итак, этот легкомысленный мальчишка снова всё испоганил! Время суток было подходящим для затмения; я сам убедился в этом, ещё в самом начале, по циферблату, который находился поблизости. Да, я был при дворе короля Артура, и мне следовало извлечь из этого максимум пользы. Темнота неуклонно сгущалась, люди становились все более и более обеспокоенными. Теперь я сказал:

– Я поразмыслил, господин король. В качестве урока я позволю тьме воцариться и распространю ночь по миру, но погашу ли я Солнце навсегда или верну Солнцу силу, решать вам. Таковы условия, а именно: «Ты останешься королем во всех своих владениях и получишь всю славу и почести, которые принадлежат королевству; но ты назначишь меня своим бессменным министром и исполнительным директором митрополии и будешь выплачивать мне за мои услуги один процент от того фактического увеличения доходов сверх их нынешней суммы, которое мне удастся создать для государства. Если я не смогу на это прожить, я не стану никого просить добавки. Вас это устраивает?»

Раздался оглушительный взрыв аплодисментов, и среди них раздался голос короля, который произнес:

– Снимите с него оковы и освободите его! Теперь все воздавайте ему почести, высокие и низкие, богатые и бедные, ибо он стал правой рукой короля, облечён сказочной властью, и его место на самой высокой ступени трона! А теперь прогони эту подкрадывающуюся ночь и верни мне свет и радость, чтобы весь мир благословил тебя!

Но я сказал:

– То, что простой человек был опозорен перед всем миром, – это ерунда; но для короля было бы бесчестьем, если бы кто-нибудь, увидев своего министра обнажённым, не избавил его от позора. Если я могу попросить, чтобы мне снова принесли мою одежду...

– Он достоин лучшей одежды! – вмешался король, – Принеси что-нибудь другое; оденьте его, как принца!

Моя идея сработала. Я хотел, чтобы всё оставалось как есть, пока не наступит полное затмение, иначе они снова попытались бы заставить меня прогнать тьму, а я, конечно, не смог бы этого сделать. Отправка за одеждой немного задержалась, но этого времени было явно недостаточно. Так что мне пришлось придумать ещё одно оправдание этого промедления. Я сказал, что было бы вполне естественно, если бы король изменил своё мнение и в какой-то степени раскаялся в том, что он сделал в состоянии аффекта; поэтому я бы позволил тьме рассеяться на некоторое время, и если по истечении разумного срока король не изменит своего мнения, то тьма должна рассеяться. Ни король, ни кто-либо другой не были удовлетворены таким решением, но я должен был настоять на своем. Становилось всё темнее и темнее, пока я сражался с этой неудобной одеждой шестого века. Наконец наступила кромешная тьма, и толпа застонала от ужаса, почувствовав, как по залу проносится холодный, сверхъестественный ночной ветерок, и увидев, как на небе появляются и мерцают звёзды. Наконец затмение стало полным, и я был очень рад этому, но все остальные были в отчаянии, что было вполне естественно.

Я сказал:

– Король, судя по его молчанию, по-прежнему придерживается признанных условий! Его обещание будет свято исполнено!

Затем я возлеп руки к небесам и, постояв так мгновение, произнёс с ужасающей торжественностью:

– Пусть чары рассеются и пройдут и сгинут навек без вреда для всех!

Какое-то мгновение в этой глубокой темноте и кладбищенской тишине не было слышно ни звука. Но когда мгновение или два спустя из-за горизонта показался серебряный ободок Солнца, собравшиеся разразились громкими криками и хлынули вниз, словно потоп, чтобы осыпать меня благословениями и благодарностью, и, конечно, Кларенс был не последним из них.

Глава VII. БАШНЯ МЕРЛИНА

Поскольку теперь я был вторым лицом в Королевстве, в том, что касалось политической власти, от меня зависело многое. Моя одежда была из лучшего шёлка, бархата и золотой парчи и, как следствие, была более чем эффектна, но в то же время не было ничего неудобнее этих вериг. Но привычка скоро примирила меня с моей одеждой, я это знал, что нет ничего такого, к чему человек не способен притерпеться. В замке мне отвели самые лучшие апартаменты после королевских. Они были украшены шёлковыми драпировками цыганских расцветок, но на каменных полах вместо ковров не было ничего, кроме тростника, и к тому же эти тростниковые циновки производили ужасное впечатление, поскольку не все были одной породы. Что касается удобств, то, собственно говоря, их здесь не было вовсе. Я имею в виду небольшие удобства; именно маленькие удобства создают настоящий комфорт в жизни. Большие дубовые кресла, украшенные грубой резьбой, были достаточно хороши, но на этом всё и заканчивалось. Не было ни мыла, ни спичек, ни зеркал – только, простите, одно металлическое зеркало, размером с ведро воды. И ни одного хромированного предмета. Я уже много лет привык к хромосомам и теперь увидел, что, сам того не подозревая, страсть к искусству проникла в мою душу и стала частью меня самого. Я затосковал по дому, глядя на это гордое и безвкусное, бессердечное убожество, и вспомнил, что в нашем доме в Восточном Хартфорде, каким бы неприветливым он ни был, вы не могли войти в комнату, не найдя там литографию с крылатыми ангелами или объявление о страховке или, по крайней мере, трёхцветную картину в стиле «Боже, благослови наших!»

Дома над дверью, а в гостиной у нас их было девять штук, одна другой краше. Но здесь, даже в моем большом парадном зале, не было ничего похожего на картину, кроме предмета размером с покрывало, который был либо тканым, либо вязаным (на нем даже были заштопанные места и заплатки), и в нём не было ничего подходящего к мебели по цвету или форме; а что касается пропорций, то даже сам Рафаэль не смог бы создать их более впечатляющими, после всей его практики в создании тех кошмаров, которые называют «знаменитыми карикатурами на Хэмптон-Корт». Рафаэль был важной птицей! У нас было несколько его литографий – одна из них – «Чудесная ловля рыбы», где он совершает собственное чудо – сажает трёх человек в каноэ, которое не выдержало бы и собаки, не опрокинувшись. Я всегда с восхищением изучал творчество Рафаэля., оно было таким свежим и нетрадиционным, что замирал дух.

В замке не было даже ни звонка, ни телефона. У меня было очень много слуг, и те, что были на дежурстве, слонялись по приемной; и когда мне требовался кто-нибудь из них, мне приходилось идти и звать его. Здесь не было ни газа, ни свечей; бронзовое блюдо, наполовину наполненное маслом из пансиона, с плавающей в нем пылающей тряпицей, было всем тем, что могло считаться освещением. Многие из этих ночных посуды висели вдоль стен и скрашивали темноту лишь настолько, чтобы смягчить абсолютный мрак и заставить контуры предметов порой выступать из него. Если вы выходили из дома ночью, ваши слуги несли факела за вами следом. Не было ни книг, ни перьев, ни бумаги, ни чернил, ничего, а в отверстиях, которые они считали окнами, не было стекол. Стекло – это такая мелочь, пока оно есть в окне, а потом, когда его там нет, оно становится проблемой. Но, пожалуй, хуже всего было то, что зднсь не было ни сахара, ни кофе, ни чая, ни табака. Я понял, что я просто ещё один несчастный лузер типа Робинзона Крузо, выброшенный на необитаемый остров, и в ужасе оглядывающий окрестность, где нет общества, кроме нескольких более или менее ручных животных и папугаев, и если я хочу сделать свою жизнь сносной, я должен поступать так же, как он, – изобретать, изошряться, выворачиваться наизнанку, шустрить, созидать, чинить вещи и латать гнилые тряпки. Короче, заставлять мозг и руки работать неустанно и сохранять спокойствие, чтобы то ни случилось, чтобы они всегда чем-нибудь были заняты. Что ж, это было по моей

части! Сначала меня беспокоило лишь одно – огромный интерес, который люди проявляли ко мне.

Очевидно было, что вся страна захотела поглазеть на меня. Вскоре выяснилось, что затмение напугало британцев почти до смерти, пока оно продолжалось, вся страна, от края до края, пребывала в плачевном состоянии паники и смятения, а церкви, скиты отшельников и монашеские кельи вместе с монастырями были переполнены молящимися и плачущими бедняками, бомжами и инвалидами, которые думали, что наступил конец света. Затем последовала новость о том, что организатором этого ужасного события был незнакомец, могущественный волшебник, прибившийся ко двору Артура; что он мог бы задуть Солнце, как свечу, и как раз собирался это сделать, когда его милосердие было куплено неслыханной ценой, а затем он рассеял свои чары и теперь был признан и почитаем как человек, который своей собственной мощью спас земной шар от разрушения, а его народы – от вымирания. Теперь, если вы подумаете, что все в это верили, и не только верили, но даже и не думали сомневаться в этом, вы легко поймёте, что во всей Британии не было человека, который не прошёл бы пятьдесят миль, чтобы увидеть меня. Конечно, все разговоры были только обо мне – все остальные темы испарились. Даже король внезапно превратился в малоизвестную и совершенно неинтересную персону. Не прошло и суток, как начали прибывать делегации, и с этого момента они продолжали прибывать в течение двух недель. Деревня была переполнена, как и вся сельская местность в округе. Мне приходилось выходить на улицу по дюжине раз в день и кланяться, и поворачиваться, как клоуну, в общем, демонстрировать себя этим благоговейным толпам беснующихся людей.

Это стало большим бременем, потребовало много времени и хлопот, но, конечно, в то же время на первых порах это было приятно – чувствовать себя таким знаменитым типом, находящимся в центре всеобщего внимания. Брат Мерлин позеленел от зависти и злобы, что доставляло мне колоссальное удовлетворение. Но я не мог понять одного – никто не попросил у меня автограф. Я поговорил об этом с Кларенсом. Клянусь Джорджем! Мне пришлось объяснить ему, что это такое! Потом он сказал, что никто в стране не умеет ни читать, ни писать, кроме нескольких десятков священников. Приземляйтесь, сэръ! Подумайте об этом. Была ещё одна вещь, которая меня немного беспокоила. Вскоре эти толпы начали требовать нового чуда. Это было естественно. Одним чудом сыт не будешь! Возможность разнести по своим далеким домам хвастовство о том, что они видели человека, который мог повелевать Солнцем, парящим в небесах, и которому повиновались планеты, сделала бы их великими в глазах соседей, и все бы им завидовали; но возможность также сказать, что они видели и сами сотворили чудо – да ведь люди приезжали издалека, чтобы посмотреть на них. Давление, надо сказать, было довольно сильным, и мне ничего не оставалось, как задуматься. А тут на днях должно было произойти очередное лунное затмение, и я знал дату и час, однако до этого события было слишком много времени.

Прошло два года. Я бы многое отдал за лицензию, чтобы поторопить очередное затмение и использовать его сейчас, когда на него большой спрос. Было бы очень жаль, если бы оно было потрачено впустую и тянулось с опозданием в то время, когда человеку это уже все равно было бы ни к чему. Если бы затмение было забронировано всего на месяц вперед, я мог бы продать его с потрохами; но в сложившейся ситуации я, похоже, не мог придумать, как сделать так, чтобы это принесло мне хоть какую-то пользу, поэтому оставил попытки. Затем Кларенс обнаружил, что старина Мерлин потихоньку находит себе занятие среди этих людей. Он распространял слухи о том, что я обманщик, и что причина, по которой я не смог подарить людям чудо, заключалась в том, что я не был способен этого сделать.

Я понял, что должен что-то предпринять. Вскоре я придумал план. Своей тиранической властью я бросил Мерлина в тюрьму – в ту же камеру, в которой сидел сам. Затем я объявил во всеуслышание глашатаем и трубой, что в течение двух недель буду занят государственными

делами, но по истечении этого срока улучу минутку отдыха и взорву каменную башню Мерлина огнём с небес, тем временем все, кто слушал дурные слухи обо мне, пусть остерегаются мести. Более того, в данный момент я бы совершил только одно чудо, и не больше, если бы оно не удовлетворило и кто-нибудь начал роптать, я бы превратил ропщущих в лошадей и сделал их полезными в хозяйстве.

Воцарилась тишина. Я в определённой степени доверился Кларенсу, и мы приступили к работе наедине. Я сказал ему, что это своего рода чудо, которое требует небольшой подготовки, и что если он кому-нибудь расскажет об этих приготовлениях, это будет равносильно внезапной смерти. Это надолго зашило его рот и сделало наши приготовления достаточно безопасными. Тайно мы изготовили несколько бушелей первоклассного пороха, и я руководил своими оружейниками, пока они сооружали громоотвод и провода. Эта старая каменная башня была очень массивной, и при этом уже довольно разрушенной, потому что она когда-то была римской крепостью, и ей было не меньше четырёхсот лет. Да, башня была красива, на свой брутальный манер, увита плющом от основания до верхушки, словно чешуйчатой кольчугой. Она стояла на уединённом возвышении, на хорошем обзоре из замка, примерно в полумиле от него. Работая ночью, мы заложили порох в башню – выковыряли камни изнутри и засыпали порох в самих стенах, толщина которых у основания достигала пятнадцати футов. Мы закладывали порох по одной порции за раз, но в дюжине мест. Этими зарядами мы могли бы взорвать Лондонский Тауэр, возможно вместе со всем Лондоном. Когда наступила тринадцатая ночь, мы установили наш громоотвод, подключили его к одной из партий пороха и протянули провода от него к другим партиям. С того дня, как я объявил о грядущем бабахе, все избегали этого места, но утром четырнадцатого я счёл за лучшее предупредить людей через герольдов, чтобы они держались подальше – на расстоянии четверти мили, не меньше, от башни. Затем добавил, по приказу, что в какой-то момент в течение двадцати четырёх часов я совершу чудо, но сначала дам краткое уведомление: флагами на башнях замка, если днём, и корзинами с факелами в тех же местах, если ночью.

В последнее время грозы были довольно частыми, и я не очень опасался неудачи; и все же мне не следовало беспокоиться о задержке на день или два; я должен был объяснить, что пока занят государственными делами, а народ должен подождать. Конечно, у нас был ослепительный солнечный день – чуть ли не первый безоблачный за последние три недели; так всегда бывает. Я сидел в уединении и наблюдал за погодой. Кларенс время от времени заглядывал к нам и рассказывал, что общественное возбуждение все время поднимается и растёт и дослужит до черт знает какого уровня, ибо вся страна, насколько хватало глаз с крепостных стен, заполнялась человеческими массами. Наконец поднялся ветер, и появилось облако – тоже с нужной стороны, и как раз с наступлением темноты. Некоторое время я наблюдал, как это далекое облако расплзается и чернеет, а затем решил, что пришло время появиться и мне. Я приказал зажечь корзины с факелами, а Мерлина освободить и прислать ко мне. Четверть часа спустя я поднялся на парапет и увидел, что король и придворные собрались и смотрят в темноту, в сторону башни Мерлина. Темнота уже сгустилась настолько, что ничего нельзя было разглядеть. Эти люди и старые башни, частично погружённые в глубокую тень, а частично освещённые красным светом огромных снопов факелов над головой, создавали довольно живописную картину. Мерлин прибыл в самом мрачном настроении.

Я сказал:

– Господа! Вы хотели сжечь меня заживо, хотя я не причинил вам никакого вреда, а в последнее время пытаетесь подорвать мою профессиональную репутацию. Поэтому я собираюсь призвать огонь и взорвать вашу башню, но только будет справедливо дать вам шанс; а теперь, если вы думаете, что сможете разрушить мои чары и предотвратить пожар, сделайте шаг вперёд, это ваш последний шанс!

– Я могу, благородный сэръ, и я сделаю это! Не сомневайтесь в этом!

Он начертил на камнях крыши воображаемый круг и поджёг в нем щепотку порошка, отчего поднялось облачко ароматного дыма, после чего все отступили назад и начали креститься, чувствуя себя неловко. Затем он начал что-то мерзко бормотать и делать в воздухе пассы руками. Он медленно и постепенно доводил себя до иступления и в конце концов стал размахивать руками, как крыльями ветряной мельницы. К этому времени шторм уже почти достиг апогея; порывы ветра раздували факелы и заставляли тени метаться по стенам, потом упали первые тяжёлые капли дождя, мир за окном был чёрен как смоль, и лишь время от времени вспыхивали ослепительные молнии.

Конечно, думал я, сейчас моя удочка сработает! На самом деле, эти события были неизбежны! Поэтому я сказал: «У тебя было достаточно времени! Я предоставил тебе все преимущества и не вмешивался! Очевидно, что твоя магия слаба. Будет справедливо, если я начну ворожить сейчас сам!»

Я взмахнул руками и совершил три круга в воздухе, а затем раздался ужасающий грохот, и та старая башня взлетела в небо на куски вместе с огромным вулканическим фонтаном огня, который превратил ночь в полдень и показал тысячи акров человеческих существ, распротёртых на земле во всеобщем смятении. Что ж, остаток недели шёл дождь из известкового раствора и каменной кладки. Таков был отчёт, но, вероятно, факты изменили бы его. Это было настоящее чудо. Огромное количество докучливых временных жителей исчезло незнамо куда. На следующее утро в грязи было много тысяч следов, но все они вели в другие места. Если бы я объявил о ещё одном чуде, то не смог бы добиться аудиенции у шерифа. Акции Мерлина упали. Король даже хотел прекратить выплачивать ему положенное жалованье. Он даже хотел изгнать его из страны, но я вмешался. Я сказал королю, что он мог бы быть полезен, если бы управлял погодой и занимался прочими подобными пустяками, и что я бы время от времени крышевал бы его, когда его жалкая маленькая салонная магия даст маху. От его башни не осталось и следа, но я попросил правительство перестроить её для него и посоветовал ему взять пансионеров, но он был слишком взвинчен для этого и плохо соображал. А что касается благодарности, то он даже не сказал «спасибо». Он был довольно суровым, скучным человеком, это был какой-то живой соляной столб, воспринимайте мои слова, как угодно, но не спорьте, но, с другой стороны, нельзя же было ожидать, что этот дикий мужчина будет таким милым, если его так кубарем швырнули в сторону и шмякнули головой о плинтус.

Глава VIII. НАЧАЛЬНИК

Быть наделённым огромной властью – это прекрасно, но еще прекраснее, когда с этим соглашается весь мир. Эпизод с башней укрепил мою власть и сделал её неоспоримой. Если до этого кто-то и был склонен к зависти и критике, то теперь их мнение изменилось. Во всём королевстве не было никого, кто счёл бы благоразумным вмешиваться в мои дела. Я быстро приспособился к своей новой ситуации и выпавшим обстоятельствам. Какое-то время я просыпался по утрам и улыбался своему «сну», и ждал призывного ржания заводского гудка; но постепенно вся эта тревога прошла сама собой, и, наконец, я смог полностью осознать, что на самом деле живу в шестом веке, и стоуюсь при дворе короля Артура, а не в уютном сумасшедшем доме. Уже вскорости я чувствовал себя в том столетии, как дома, как, возможно, и в любом другом; а что касается выбора, то я бы не променял его на двадцатый век. Посмотрите, какие возможности открывались здесь для человека, обладающего знаниями, умом, отвагой и предприимчивостью, чтобы отправиться в плавание и расти вместе со своей страной. Самая грандиозная сфера деятельности, которая когда-либо могла быть предоставлена человеку; и она полностью находится в моей собственности; и ни одного конкурента на расстоянии пушечного выстрела; ни одного человека, который не был бы для меня младенцем в плане знаний и способностей; в то время, когда как и кем бы я стал в двадцатом веке – это большой вопрос? Я был бы, возможно, рабочим или мастером на фабрике, вот, пожалуй, и всё; что мне светило, и мог бы в любой день протащить невод по улице и поймать сотню людей уж получше меня! Какой прыжок в будущее я совершил! Я не мог удержаться от мыслей об этом и созерцания, как это делает человек, добывший нефть посреди пустыни. За моей спиной не было ничего, что могло бы приблизиться к этому триумфу, разве что в случае с Джозефом; а Джозеф только приблизился к этому, но не совсем соответствовал своему положению. Ведь само собой разумеется, что, поскольку великолепные финансовые ухищрения Джозефа не принесли пользы никому, кроме короля, широкая публика, должно быть, относилась к нему с большой неприязнью, в то время как я оказал услугу всей своей публике, пощадив Солнце, и благодаря этому был популярен и любим, как суперзвезда эстрады

– Я не был тенью короля; я был отдельной, уникальной сущностью; тенью – моей тенью был сам король. Моя власть была колоссальна; и это было не просто слова, как обычно бывает, когда говорят о возможностях человека, это была подлинная Власть. Вещь! Я стоял здесь, у самого истока второго великого периода мировой истории; и мог видеть, как бурлящий поток этой самой истории собирается, углубляется и расширяется, и катит свои могучие волны сквозь далёкие столетия; и я мог наблюдать, как искатели приключений, подобные мне, находят приют в этом длинном ряду шатких тронов: Де Монфоры, Гавестоны, Мортимеры, Виллерсы – французские распутники, затевающие войны и руководящие торговыми кампаниями, и дворяне Карла Второго, держащие в кривых руках скипетры; но нигде в процессии не было видно моего человека в полный рост. Я был уникален; и рад был сознавать, что этот факт нельзя было ни опровергнуть, ни оспорить в течение тринадцати с половиной столетий. Да, по силе я был равен королю. В то же время существовала другая сила, которая была немного сильнее нас обоих, вместе взятых. Это была Церковь! Я не хочу скрывать этот факт. Я не смог бы, даже если бы захотел, покуситься на это собрание лжецов и болтунов. Но сейчас не обращайтесь на это внимания; позже всё это проявится и станет на свои места. Поначалу это не доставляло мне никаких хлопот – по крайней мере, каких-либо серьёзных последствий. Что ж, это была любопытная страна, полная чудес. А люди! Они были самой обычной, простой и доверчивой, как дети, толпой; да что там, они были просто кроликами в загоне. Человеку, родившемуся в здоровой, свободной атмосфере, было бы жалко услышать их смиренные и трогательные, слёзные, сердечные излияния в верности своему королю, Церкви и знати; как будто у них было больше

причин любить и чтить короля, Церковь и знать, чем у раба любить и чтить плеть, или у собаки любить и чтить ошейник и конуру злого хозяина, который в шутку готов её забить до смерти! Боже мой, любая королевская власть, какая бы она ни была смиренная, любая аристократия, как бы ни была урезанная и конституционная, по праву может считаться преступной; но если вы родились и выросли в таких условиях, и с детства плаваете в этом золотом болоте, вы, вероятно, никогда не поймёте этого сами и не поверите, когда кто-то скажет вам об этом. Чтобы заставить человека устыдиться своей расы, достаточно подумать о тех ничтожествах, которые всегда занимали свои троны без тени на то права или причины, и о людях седьмого сорта, которые всегда считались аристократами – о шалмане монархов и знати, которые, как правило, достигли бы не больших успехов, чем нищета и безвестность, если их, как и те, кто внизу, были предоставлены самим себе и пробивались бы в жизни самостоятельно – без взяток и протекций богатых разбойников. Большая часть британской нации короля Артура была рабами, чистыми, плоскими и незатейливыми, и носила это имя, и носила железный ошейник на шее – а остальные на самом деле были рабами, но без имени и без званий; они воображали себя мужчинами и свободными людьми и называли себя так. Истина заключалась в том, что нация как единое целое существовала в этом мире с одной-единственной целью: пресмыкаться перед королем, Церковью и знатю; работать на них, проливать ради них кровавый пот, мешать кровь с потом и пот с кровью, голодать, чтобы эти ничтожества были сыты, работать, чтобы тли могли развлекаться, пить в нищете до дна, чтобы клопы могли быть счастливы и имели возможность пить кровь, ходить голыми, чтобы фанфароны могли носить шелка и драгоценности, платить кровавые налоги, чтобы умники-извращенцы могли быть избавлены от их уплаты, всю свою жизнь стоят с протянутой рукой, в унижительной позе и с жалким лицом, чтобы тайные маньяки и палачи могли гордо ходить и считать себя богами этого мира. И за всё это в благодарность за смирение они получали подзатыльники и презрение; и они были настолько малодушны, что даже такое внимание воспринимали как лютую честь. Унаследованные идеи – любопытная вещь, и их интересно наблюдать и изучать. У меня были свои наследственные предрассудки, у короля и его народа – свои. В обоих случаях они текли по колеям, глубоко проторенным временем и привычкой, и человек, который предложил бы исправить их с помощью разума и аргументов, получил бы на руки долгосрочный контракт. Например, эти люди унаследовали представление о том, что все люди без титула и длинной родословной, независимо от того, обладали ли они выдающимися природными дарованиями и приобретениями или нет, были существами, заслуживающими внимания не больше, чем многие немые животные, букашки, насекомые и черви; в то время как я унаследовал убежденность в том, что люди подобны галкам и воронам, которые, разумеется, предпочитают рядиться в павлиньи перья своих унаследованных достоинств и ничем не заслуженных титулов, однако на деле они на что не годны, кроме как сожечь посмешищем мудрых. То, как на меня смотрели, было странно, но это было естественно. Вы знаете, как зритель и публика смотрят на слона в зверинце? Что ж, тогда вы кое-что поняли! Они полны восхищения громадными размерами и невероятной силой слона, они с гордостью говорят о том, что он может сотворить на их глазах сотни чудес, которые им самим не по силам; и они с одинаковой гордостью говорят о том, что в гневе он способен разогнать перед собой тысячу человек и устроить вертеп в отдельно взятой посудной лавке. Но делает ли это его одним из них? Нет, даже самый оборванный бродяга в преисподней улыбнулся бы при этой мысли! Он не мог этого понять; не мог вникнуть в это! Он не мог даже отдаленно представить себе это! Что ж, для короля, знати и всего народа, вплоть до самых простых рабов и бродяг я был просто вот таким неуклюжим слоном в посудной лавке, и ничем более. Мною восхищались, но в то же время все меня боялись, это было похоже на то, как восхищаются животным и одновременно боятся его непредсказуемой ярости. Животное, какое бы красивое и статное оно ни было, не вызывает почтения, как не вызывал почтения и я – я скоро заметил, что за редким исключением меня, собственно говоря, даже и не ува-

жали. У меня не было ни родословной, ни унаследованного титула, ни трона под сиденьем, так что в глазах короля и знати я был просто грязью. Люди смотрели на меня с удивлением и благоговением, но к этому не примешивалось никакого почтения; в силу веками унаследованных представлений они не могли представить, что кто-то имеет на это право, кроме родословной и титула лорда. Здесь вы видите иссохшую руку этой ужасной силы, Римско-католической церкви. За два или три столетия она превратила нацию людей в нацию червей. До того, как Церковь утвердила своё господство в мире, люди были мужчинами, высоко держали голову, обладали мужской гордостью, свободным духом и независимостью, и то величие и положение, которых человек достигал, он получал главным образом благодаря своим достижениям, а не по факту рождения. Но затем на первый план вышла Церковь, у которой были свои планы; и она была жутко мудра, проницательна и знала не один способ освежать кошку в чёрной комнате – я имею в виду нацию; она изобрела «божественное право королей» и подкрепила его, кирпичик за кирпичиком, Заповедями Божьими – отвлекая людей от их действительно благой цели, чтобы заставить их на деле укреплять злого духа; она проповедовала (простолюдинам) смирение, повиновение начальству, красоту самопожертвования; она проповедовала (простолюдинам) кротость при оскорблениях; проповедовала (по-прежнему простолюдинам, всегда простолюдинам) терпение, низость духа, непротивление злу насилем; и она ввела наследуемые звания и виды аристократии и аристократов, и научила всё христианское население земли преклоняться перед ними и слушаться их.

Даже в столетии, когда я родился, этот божественный яд всё ещё куrolесил в крови христианского мира, и лучшие из английских простолюдинов по-прежнему довольствовались тем, что подчинённые им бастарды нагло продолжали занимать ряд должностей, таких как лордства и трон, на которые нелепые законы его страны не позволяли им претендовать, на самом деле этот народец был не просто доволен этим странным положением вещей, но даже смог убедить себя, что гордится им. Это, кажется, показывает, что нет ничего такого, чего бы вы не могли вынести, если только вы родились и воспитаны для этого в духе мышинового чиновничества. Конечно, этот порок, это почтение к званиям и титулам, было и у нас, американцев, в крови – я это знаю; но когда я уехал из Америки, это уже исчезало – по крайней мере, во многих отношениях. Остатки этого умонастроения были присущи только местным жлобам. Когда болезнь уже начинает сходиться на нет, можно с полным основанием сказать, что её уже практически не наблюдается.

Но вернёмся к моему необычному положению в королевской иерархии синьора Артура. Вот он я, гигант среди пигмеев, мужчина среди сопливых детей, выдающийся интеллект уал среди кротов-землероев: по всем рациональным меркам, единственный по-настоящему великий человек во всем британском мире; и всё же там и тогда, как и в далекой Англии, где я родился, какой-нибудь замшелый тупица-граф, который мог похвастаться длинным хвостом своей извилистой родословной и происхождением от королевского конюшего, приобретшего звание из вторых рук в лондонских трущобах, был гораздо лучшим человеком, чем я. В королевстве Артура к такому персонажу относились с почтением, хотя его нрав был таким же подлым, как и его ум, а мораль – такой же низменной, как и его происхождение. Были времена, когда он мог сидеть в присутствии короля, но я не мог. Я мог бы получить титул достаточно легко, и это подняло бы меня на большую ступень в глазах всех, даже в глазах короля, который бы его даровал. Но я не просил об этом и отказался, когда мне это предложили. С моими представлениями о морали я не смог бы получить от этого никакого удовлетворения; и в любом случае это было бы неразумно, потому что, насколько я помню, нашему племени, когда оно выходило за рамки законов, никогда не везло с виселицей. Я не мог бы чувствовать себя по-настоящему удовлетворенным, гордым и уверенным в себе из-за какого-либо титула, кроме того, который должен исходить от самой нации, самого народа, из единственного законного источника; и именно такой титул я надеялся завоевать; и в течение многих лет честных и бла-

городных усилий я действительно завоевал его и добился права носить его с высоко поднятой головой и чистой совестью. Этот титул, случайно сорвавшийся однажды с уст кузнеца в деревне, был подхвачен людьми, как счастливое откровение и передавался из уст в уста со смехом и одобрительными возгласами; через десять дней он облетел всё королевство и стал таким же нарицательным, как имя короля. С тех пор меня никогда не называли иначе, ни в общенациональных выступлениях, ни в серьёзных дебатах по государственным вопросам в совете суверена. В переводе на современный язык этот титул означал бы «БОСС», Избранный Народом. Это звание меня устраивало полностью. Это был ужасно высокий титул. Их, Боссов, было очень мало, и я был одним из них. Если вы говорили о герцоге, или графе, или епископе, как можно было понять, кого вы имели в виду? Но если вы говорили о Короле, Королеве или Боссе, все было по-другому. Что ж, король мне нравился, и как короля я уважал его – уважал должность, уже не видя ха ней человека, по крайней мере, уважал настолько, насколько был способен уважать любое незаслуженное превосходство, но как на людей я смотрел на него и его дворян свысока – признаюсь вам в частном порядке. И он, и они любили меня и уважали мою должность; но как на животное, без происхождения и фиктивного титула, они смотрели на меня свысока – и не особенно скрывали это. Я не брал денег за своё мнение о них, а они не брали денег за свое мнение обо мне: счёт был равный – 1:1, баланс сбалансирован, все были довольны.

Глава IX. ТУРНИР

Там, в Камелоте, всегда устраивались грандиозные турниры; и бои быков ля людей тоже были очень волнительными, живописными и смешными для толпы, ждущей крови, однако слегка утомительными для любого практичного ума. Однако, как правило, я был под рукой – по двум причинам: человек не должен оставаться в стороне от того, что дорого его друзьям и обществу, если он хочет, чтобы его любили и уважали, в частности, не только как приятного человека, но и как государственного деятеля. И как бизнесмен, и как государственный деятель, я хотел изучить институт турниров и посмотреть, смогу ли я это хотя бы слегка усовершенствовать, не придумывая ничего экстраординарного. Это напомнило мне о том, что я хотел бы мимоходом отметить, что самым первым официальным шагом, который я предпринял в своей администрации – а это было в самый первый день её работы, – было создание патентного ведомства, поскольку я знал, что страна без патентного ведомства и хорошего патентного законодательства – это просто рак, который не может двигаться никаким иным путём, кроме вбок или назад. Дела шли своим чередом, турниры проводились почти каждую неделю, и время от времени ребята просили меня помочь – я имею в виду сэра Ланселота и остальных, – но я сказал, что со временем сам это сделаю; спешить пока некуда, и слишком много правительственных механизмов нужно смазать, привести в порядок и запустить для этого я удалился от светских забав. У нас был один турнир, который продолжался день за днём больше недели, и в нём приняли участие до пятисот рыцарей, от первого, самого лучшего до последнего замухрыжки в латах. Они собирались неделями. Они приезжали верхом отовсюду: с самых глухих концов страны и даже из-за моря; многие привозили с собой дам, и все они привозили оруженосцев и отряды слуг. Это была самая яркая и роскошная толпа в том, что касается костюмов, и очень характерная для той страны и того времени, в том, что касалось жизнерадостности, невинных непристойностей в выражениях и беззаботного безразличия к общественной морали. Они сражались или наблюдали, ковыряясь в зубах, весь день напролёт, и каждый день пели, играли в азартные игры, танцевали, и кутили за полночь. Я не спорю, они прекрасно проводили время. Вы никогда не видели таких людей. Эти толпы прекрасных дам, сияющих, как звёзды своего варварского великолепия, видели с сияющими глазами, как рыцарь валился с коня на ристалище, а древко копья толщиной с твою лодыжку пронзало его насквозь, и из него хлестала кровь, и вместо того, чтобы упасть в обморок, они хлопали в ладоши и начинали толпиться друг подле друга на виду, чтобы лучше видеть это непотребство, и иногда одна из них упиралась в носовой платок и демонстративно показывала себя убитой горем, и тогда можно было поставить два против одного, что где-то произошел скандал и она боялась, как бы общественность об этом случайно не узнала. Обычно ночной шум раздражал меня, но в нынешних обстоятельствах я не обращал на него внимания, потому что этот шум мешал мне слышать, как лекари-шарлатаны пилят ноги и руки у дневных калек. Они испортили мне на редкость хорошую старую торцовочную пилу, а также сломали ножовку, но я на это не обратил внимания. А что касается моего топора – что ж, я решил, что в следующий раз, когда буду вынужден одолжить топор хирургу, тогда я уж точно попрошусь другой век. Я не только наблюдал за этим турниром изо дня в день, но и поручил одному интеллигентному священнику из моего департамента общественной морали и сельского хозяйства сообщить об этом, потому что моей целью было со временем, когда я сумею заинтересовать людей, основать газету. Первое, что вам нужно в новой стране, – это патентное ведомство, затем необходимо усовершенствование своей замшелой школьной системы, а после этого можно смело приниматься за основание газеты. У газеты есть свои недостатки, и их много, но это не важно, ибо газета своим замогильным голосом способна поднять из мёртвых любую полумёртвую нацию и воскресить её, и никому не следует забывать об этом. Без газеты вы,

кровь из носу, не сможете воскресить мёртвую нацию, она так и будет разлагаться, отравляя вонью мир – просто нет никакого иного способа. Поэтому я хотел попробовать кое-что и выяснить, какие репортерские материалы я мог бы выдрать из шестого века, когда они мне понадобятся. Что ж, учитывая все обстоятельства, священник поступил очень мудро и взвешенно. Он вникал во все детали, а это очень хорошо для местной жизни: видите ли, когда он был моложе, он вёл бухгалтерию похоронного бюро при своей церкви, а там, знаете ли, всё дело в деталях; чем больше деталей, тем больше прибыли, денег и уважухи: носильщики, то да сё, приглушенные звуки, шарканье лаптей, вонь, свечи, молитвы, закупка крестов и купелей, импорт мирры и елея, экспорт требников и прокламаций – всё имеет значение; и если скорбящие не покупают достаточно молитв, вы отмечаете количество свечей раздвоенным карандашиком, тэкс-тэкс, мда-мда, и ваш счёт приходит в движение и всё тогда, чики-чики, и в полном порядке. И у него был изумительный талант в нужный момент лизнуть клиента в нужное место, то тут, то там вставлять комплименты в адрес какого-нибудь потерянного рыцаря, который мог бы рекламировать добрые дела этого святоши... Нет, я имею в виду не замухрыжку в ржавом железе с дырявой рукавицей и осиновым копьём, совсем нет, я имею в виду героя нации, супер-рыцаря, атланта, пользующегося влиянием в свете; и ещё у него был прекрасный дар преувеличивать всё на свете, потому что в свое время он работал сторожем у благочестивого отшельника, который жил в хлеву и творил чудеса среди крестьян за небольшое роялти в виде дюжины яиц или куска сала. Каждое ничтожное событие предстало у него словно преобразённое огромным увеличительным стеклом, а уж о свойствах увеличительного стекла преобразать и обманывать сырых вы знаете не хуже меня. Конечно, в отчёте этого новиопа не хватало звона в ушах, трамвайной шумихи, грохота вулкана и аляповатых римских описаний, не хватало двуголовых девочек, бородатых женщин и хвостатых, как ящеры, мужчик, и поэтому, как компенсацию этих недостатков, ему хотелось достичь истинного гармоничного звучания слова; и его старинная, архаичная стилистика, необычное построение фраз, милые и простые до дебилизма обороты, наполненные скромными ароматами того времени, умиляли паству до грязной слезы на щеке, а я признавал, что эти маленькие достоинства в какой-то мере компенсируют и уравнивают более существенные недостатки его опусов.

Вот выдержка из газеты: «Артурс Кроликал»:

«Тогда сэра Брайен де Лес Айлс и Пол Груммор дэ Грумморсум, рыцари замка, встретились с сэром Агловейлом и сэром Тором, Околачивателем Железных Груш, и сэра Тор поверг сэра Груммора Грумморсума наземь. Затем пришли сэра Карадос из башни Скорби и сэра Туркин, рыцари замка, и встретились с ними сэра Персиваль де Галис и сэра Ламорак де Галис, которые были двумя братьями во Христе, и встретились сэра Персиваль Козырь с сэром Карадосом Синемородым, и оба преломили копьё в своих руках, и тогда сэра Туркин с сэром Ламораком, и каждый из них поверг другого, вместе с лошадьё, на землю, и обе стороны, барахтаясь в подплинтусном пространстве, спасли друг друга и снова посадили на коней, как подобает благородным сэрам – сынам Отечества. И сэра Арнольд, и сэра Готер, рыцари замка, намба Сыкс энд Элеван, встретились с сэром Брэндайлзом и сэром Кеем, и эти четыре рыцаря сражались мощно громокипяще и сломали свои копьё в их руках, а затем и щиты ех. Затем из замка вышел сэра Пертолоп, и там встретился с ним сэра Лайонел, и там сэра Пертолоп, зелёный рыцарь, славная душа, сразил сэра Лайонела, брата сэра Ланселота. Всё это было отмечено благородными герольдами, которые назвали его лучшим и праведнейшим из всех, и их имена занесли в скрижали. Тогда сэра Блеобарис замахнулся копьём на сэра Гарета, но от этого удара сэра Блеобарис сразу упал на землю. Когда сэра Галиходин увидел это, он попросил сэра Гарета удержать его, и сэра Гарет сбил его с ног. Тогда сэра Галихуд взял копьё, чтобы отомстить за своего брата, и таким же образом сэра Гарет служил ему, и сэра Динадан, и его брат Ла Кот Малё Тайл, и сэра Саграмор Отчаянный, и сэра Додинас Свирепый; всех их он сразил одним копьём. Когда король Ирландии Визанс увидел сэра Гарета, он так удивился, кем бы тот мог быть, что

в один прекрасный момент показался ему зелёным, а в другой, когда он снова появился, – голубым. И таким образом, каждый раз, когда он скакал взад и вперёд, демонстрируя свою отвагу, он менял свой цвет, так что ни король, ни рыцари не могли сразу его заметить. Тогда сэра Агвисанс, король Ирландии, встретился с сэром Гаретом, и сэр Гарет выбил его из седла вместе с лошастью. А затем появился король Шотландии Карадос, и сэр Гарет сразил его и коня, и человека. И таким же образом он служил королю Уриенсу из страны Гор и ублажал его. И тут появился сэр Багдемагус, и сэр Гарет поверг его коня, обрушил человека на землю и растоптал. И Мелиганус, сын Багдемагуса, метко и по-рыцарски поразил сэра Гарета копьём. И тогда сэр Галахолт, благородный принц, воскликнул во весь голос: «Многогрешный, цветастый рыцарь, ты заслужил кару! Ныне приготовься, чтобы я мог разделаться с тобой!». Сэр Гарет услышал его, схватил огромное копье, и они сошлись в грозной битве, изрыгая столпы пыли, и тут принц сломал своё целительное копье, но сэр Гарет улучил момент и ударил его по левой щеке шлема, так что тот покачнулся из стороны в сторону и упал бы, если бы его люди не подхватили его.

– Воистину, сказал король Артур, – этот цветастый рыцарь – хороший рыцарь!

И призвал король к себе сэра Ланселота и попросил его сразиться с этим рыцарем.

– Сэр, – сказал Ланселот, – я, пожалуй, найду в себе силы воздержаться от поединка в этот раз, ибо он и так натерпелся за этот день, а когда у доброго рыцаря дела идут так хорошо, не подобает доброму рыцарю лишать его почестей, а именно: когда он видит, что рыцарь проделал такой великий труд; может быть, – сказал сэр Ланселот, – сегодня он довольно потрудился здесь, на ратном поле и, может быть, здесь присутствует его дама сердца, и эта дама любит его больше всех тех, кто здесь находится, ибо я хорошо вижу, как он мучается и что заставляет его совершать великие деяния, и поэтому, – сказал сэр Ланселот, – что касается меня, то в этот день ему должна достаться вся слава и вся эта честь; хотя в моей власти было бы лишить его её, но я бы никогда, видит бог, этого не сделал...»

В тот день произошёл небольшой неприятный инцидент, который из соображений государственной важности я вычеркнул из отчёта моего священника. Вы, наверное, заметили, что Гарри отлично сражался в бою. Когда я говорю «Гарри», я имею в виду сэра Гарета. Гарри было моим личным ласкательным погонялом для этого фрукта, оно говорит лишь о том, что я в то время испытывал к нему глубокую привязанность, и так оно и было. Но это было только личное прозвище, и его никогда ни при каких обстоятельствах не произносили вслух, тем более в его присутствии; будучи дворянином, он не потерпел бы подобной фамильярности с моей стороны. Итак, продолжим: я сидел в своей личной ложе, отведенной для меня как королевского министра. Пока сэр Динадан ждал своей очереди высочить на ристалище, он зашёл туда, сел и начал говорить; он всегда подыгрывал мне, потому что я был иностранцем, а ему нравилось находить новый рынок для сбыта своих дебильных шуток, большинство из которых уже достигли той стадии, когда они уже осточертели так, что ржал только один рассказчик, а слушатели исходили блевотой. Я всегда откликался на его усилия так хорошо, как только мог, и испытывал к нему глубокую и неподдельную приязненность, я ценил его доброту, по той лишь причине, что если по злему року судьбы он знал один конкретный анекдот, который я слышал чаще всего и который вызывал у меня наибольшую ненависть всю мою жизнь, то у него было по крайней мере парочка, и это обеспечивало ему епитимью и отпущение грехов.

Я слышал, что эту фразу приписывали каждому юмористу, когда-либо ступавшему на американскую землю, от Колумба до Артемуса Уорда. Это была история о лекторе-юмористе, который в течение часа осыпал невежественную аудиторию убийственными шутками и ни разу не вызвал смеха, а потом, когда он уходил, какие-то серые простаки в пыльных камзолах с благодарностью пожали ему руку и сказали, что это была самая смешная лекция, которую они когда-либо слышали, и «это было всё, что они могли сделать, чтобы не рассмеяться до мокрых штанов прямо при встрече».

Этот анекдот так и не дождался того дня, когда его стоило бы рассказывать; и все же я слушал его сотни, тысячи, миллионы и миллиарды раз, слушал и закрывал уши, и плакал, и проклинал на протяжении всего рассказа. Тогда кто может раассчитывать понять, что я почувствовал, услышав, как этот закованный в броню осел снова заговорил о мрачных сумерках традиции, обрушившемся на цивилизацию перед самым рассветом истории, когда даже Лактанция можно было бы назвать «на днях почившим Лактанцием», а крестовые походы свершились только через пятьсот лет? Как только он закончил, пришёл мальчик с вызовом его на очередной турнир, и вот, вопя, как демон, гремя и лязгая железом, как ящик с ржавым металлоломом, он исчез, вышел из ложи, и тут я потерял сознание и грохнулся на пол. Прошло несколько минут, прежде чем я очухался и пришёл в себя, а затем открыл глаза – как раз вовремя, чтобы узреть, как сэр Гарет наносит ему ужасающий удар, при виде коего я неосознанно вознёс молитву: «Я надеюсь, что, слава богу, он убит! Не мучай его, Господь, прибери к себе!» Но, к несчастью, не успел я договорить и половины этого пожелания, как сэр Гарет врезался в сэра Саграмора Желчного головой и опрокинул его на круп своей лошади, а сэр Саграмор успел уловить моё замечание и подумал, что я обращаюсь к нему. Что ж, всякий раз, когда кто-то из этих людей вбивал себе что-то в голову, это уже было навсегда, как ржавый гвоздь, вбитый в притолоку. Я знал это, поэтому поберёг дыхание и не стал ничего объяснять. Как только сэр Саграмор поправился, он уведомил меня, что нам нужно уладить кое-какие дела, и свести счёты и назвал день, который наступит через три или четыре года: место урегулирования, ристалище, где было нанесено оскорбление. Я сказал, что буду готов, когда он вернется. Видите ли, он отправлялся за Святым Граалем. Все мальчики время от времени отбывали в «Святой Грааль». Это был как правило круиз продолжительностью в несколько лет. Они всегда, несмотря на долгое отсутствие, самым добросовестным образом рыскали повсюду в горах, хотя никто из них понятия не имел, где на самом деле находится этот Святой Грааль, и я не думаю, что кто-то из них на самом деле ожидал его найти или знал бы, что с ним делать, если бы чайно наткнулся на него. Видите ли, в те дни это был просто Северо-Западный проход, как вы могли бы выразиться, и всё. Каждый год экспедиции отправлялись на поиски святого Грааля, а на следующий год на их поиски отправлялись спасательные экспедиции. Это приносило мировую известность, слухи, сплетни, но не приносило денег. Наоборот, это высасывало массу денег. Да что там, они действительно хотели, чтобы я присоединился к их затее! Что ж, я вынужден был лишь улыбнуться им в ответ.

Глава X. ЗАРОЖДЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Участники Круглого Стола вскоре услышали об этом испытании и, конечно же, активно обсуждали его, поскольку такие вещи всегда интересовали маленьких мальчиков. Король решил, что теперь мне следует отправиться на поиски приключений, чтобы прославиться и быть более достойным встречи с сэром Саграмором, когда пройдёт несколько лет. Я извинился и сказал, что на данный момент мне потребуется ещё три или четыре года, чтобы привести дела в порядок; тогда я буду готов; все шансы были за то, что по истечении этого срока сэр Саграмор всё ещё был бы в отъезде, так что отсрочка не привела бы к потере ценного времени; к тому времени я проторчал бы на своем посту шесть или семь лет, и я верил, что моя система и механизмы будут настолько хорошо отработаны, что я смогу взять отпуск без какого-либо вреда для работы. Я был вполне удовлетворён тем, чего уже достиг. В разных тихих уголках я наблюдал за зарождением всевозможных отраслей промышленности – зародышей будущих огромных заводов, железных и стальных миссий моей будущей цивилизации. В них были собраны самые яркие молодые умы, какие я только мог найти, и я постоянно отправлял агентов прочесывать страну в поисках новых талантов. Я превращал толпу невежественных людей в экспертов – экспертов во всех областях ручной работы и научных профессий. Эти мои детские сады жили спокойно и в уединении, в своих уединенных загородных убежищах, потому что никому не разрешалось входить на их территорию без специального разрешения, потому что я боялся Церкви и её доносов. Первым делом я основал учительскую фабрику и множество воскресных школ; в результате у меня теперь была замечательная система многоуровневых школ, работающая в полную силу в тех местах, а также множество протестантских конгрегаций, которые процветали и росли на глазах, как опара на жрожжах. Каждый мог быть таким христианином, каким хотел, в этом вопросе была полная свобода. Но я ограничил публичное религиозное преподавание церквями и воскресными школами, не допуская ничего подобного в других своих учебных заведениях. Я мог бы отдать предпочтение своей собственной секте и сделать всех пресвитерианами без каких-либо проблем, но это означало бы нарушить закон человеческой природы: духовные потребности и инстинкты так же разнообразны в человеческом семействе, как физические инстинкты, цвет лица и особенности характера, и человек может проявить себя только в лучшем виде с моральной точки зрения, когда он облачён в религиозное одеяние, цвет, форма и размер которого наилучшим образом соответствуют духовному облику, угловатости и росту человека, который его носит; и, кроме того, я боялся объединенной Церкви; это создает могущественную силу, самую могущественную из всех возможных, а затем, когда она постепенно попадает в эгоистичные руки, что неизбежно, наступает смерть человеческой свободе и паралич человеческой мысли. Все рудники были королевской собственностью, и их было очень много. Раньше их разрабатывали так, как всегда разрабатывают шахты дикари, – выкапывали ямы в земле и вручную доставляли руду в мешках из шкур, не более тонны в день, на фабрику; но я начал ставить добычу полезных ископаемых на научную основу так быстро, как только мог. Да, я добился довольно значительного прогресса, когда меня поразил вызов сэра Саграмора.

Прошло всего четыре года, и какие потрясающие итоги? Вы и представить себе не можете, что такое возможно в мире. Неограниченная власть – это идеальная вещь, когда она в надёжных руках. Небесная деспотия – это единственное абсолютно совершенное правительствo. Земной деспотизм был бы абсолютно совершенным, высшей формой земного правления, если бы условия были такими же, а именно, если бы деспот был самым совершенным представителем рода человеческого и срок его жизни был бы бессрочным. Но поскольку бранный совершенный человек должен рано или поздно умереть, почить, дать дуба или протянуть лапы, поневоле передав свой просвещённый деспотизм в руки другого, чаще слишком несовер-

шенного и слишком жестокого преемника, непросвещённого неопитам земной деспотизм – это не просто плохая форма правления, это наихудшая из возможных форм!

Мои труды показали, на что способен деспот, разумно распоряжающийся ресурсами королевства, находящегося в его распоряжении. Эта мрачная страна, о существовании которой я и не подозревал, была свидетелем того, как цивилизация девятнадцатого века процветала у меня под самым носом! Это было скрыто от посторонних глаз, но это был гигантский и неопровержимый факт, о котором я ещё скажу, если буду здоров и мне повезёт остаться в живых. Вот это такой же несомненный и существенный факт, как любой безмятежный вулкан, невинно возвышающийся своей мирной вершиной в голубом небе и не дающий никаких признаков того, что в его недрах медленно зарождается ад. Четыре года назад мои школы и церкви гукали в колыбели, теперь они оперились и возмужали, мои магазины превратились в огромные фабрики; там, где некогда у меня была дюжина квалифицированных рабочих, теперь трудилась тысяча; там, где ещё недавно у меня был один блестящий специалист, теперь крутилось пятьдесят. Я стоял, держа руку на волшебном выключателе, так сказать, готовый в любой момент включить его и озарить полуночный мир чудесным светом любви и правды. Но я не собирался делать это так уж внезапно. Такое было бы не в моих правилах. Люди не смогли бы вынести, если бы счастье обрушилось на них лавиной и погребло под собой, и, более того, через минуту после этого мне на помощь без сомнения устремилась бы признанная Римско-католическая церковь с ордой социальных трутней, бездельников и говорунов.

Нет, моей методой ведаласама осторожность.

Я методично и тайно рассылал по всей стране своих верных агентов, которым было вменено в обязанность всячески расшатывать глубинные представления обывателей. Каждый день, каждый час и каждую минуту, они, как упорные древоточцы, точили трухлявую древесину феодализма, подкапывали суеверия рыцарства и потихоньку расшатывали основы феодального государства. Образно говоря, я сначала вбил свет мощностью в одну свечу и был намерен уверенно увеличивать световой поток⁴, обрушивавшийся на дикую средневековую Англию.

Специализированные тайные школы я равномерно распределил по территории всего королевства, и жаловаться на их деятельность мне не пришлось ни разу. Мои планы по поводу расширения сети этих секретных школ шли гораздо дальше, и я надеялся, что никто не спугнёт это тайное продвижение. Наибольшей секретностью я окружил деятельность моего любимейшего детища – Нового Вест-Пойнта, моей излюбленной Военной Академии. Это военное заведение было мной тщательно законспирировано и ограждено от посторонних взглядов, и в этом смысле его засекреченность едва ли уступала засекреченности моего второго любимого дитяти – Морской Академии «Девятый Вал», расположенной в отдалённом и забытом богом морском порту Чико-Чико-Эль-Фаллуда. Обе академии процвели, наполнив моё сердце неистовым ликованием и радостью.

Всё это время Кларенс был рядом со мной. За многие годы службы он стал моим верным соратником, сотрудником и другом, причём мне ни разу не пришлось пожалеть о своём человеческом выборе. Ему стукнуло уже двалцать два года, и он стал главным глашатаем и исполнителем моих рескриптов и воплотителем моих предначертаний. Сам же он полагал себя моей правой рукой и весьма гордился своим статусом. В жизни я не встречал малого чудесней его, под моим руководством и при моём наставничестве он научился практически всем премудростям вминистрирования и оказался мастером на все руки. В последние годы я мягко и настойчиво направлял его энергию в сторону журналистского дела, ибо мне казалось, что уже давно на круглом Столе пришла пора основывать газеты и журналы.

Логика говорила, что лучше начинать не с большой газеты, а какого-нибудь мелкого еженедельного листка, который должен был быть пробным шаром вброшенным мной, я мечтал быть зачинщиком цивилизации. Я сразу понял, что Кларенс чувствует себя в этих делах, как рыба воде, по сути, его внутренний мир был создан для газетной суеты и поиска сенсаций, а сам

он был идеальным папарацци! Кларенс явил мне пример истинного раздвоения если не личности, то мыслительного процесса – он говорил на языке шестого века, а писал статьи языком жёлтой прессы века девятнадцатого. Его литературный слог и талант мужал и развивался если не по часам, то точно – по дням. Он уже уверенно поднялся на уровень провинциальных газетёнок современной Алабамы, и его передовые статьи не уступали тамошним ни стилем, ни содержанием.

В поле нашего зрения располагались ещё два больших начинания, способные перевернуть все внутренности средневековья – почта и телеграф. Вернее, телефон и телеграф. Из классики хорошо известно, что надо делать революционным массам для того, чтобы взять власть в свои руки в одном отдельно взятом королевстве – захватить почту и телеграф! О том, что впридачу к захвату почты и телеграфа следует также реквизировать винные склады, пакгаузы и оружейные ямы, мы в ту пору не имели и понятия. Скоро в области телефонизации у нас появились кое-какие успехи. Сначала к восторгу участников, мы опробовали первые телефонные линии на себе, и при этом рстарались держать свою затею в глубокой тайне. Небольшая партия верных рабочих прокладывала кабели по ночам, избегая людных мест и скопления народа. Линии прокладывались под землёй только лишь потому, что ряды столбов наверняка привлекли бы к себе слишком много внимания. Проложенные под землёй линии проводов работали просто отлично. Я придумал новаторский способ изоляции медных проводов, и теперь можно было совершенно не опасаться за их сохранность. По моему требованию линии должны были быть идеально прямыми и как можно реже пересекать дороги. Таким образом мы связывали в единую сеть все крупнейшие города королевства. Везде вдоль маршрутов я оставлял специалистов, которые должны были денно и нощно блюсти состояние сети. При ночной прокладке линий мы ориентировались на дальние огни. Никаких направлений, дорожных указателей в королевстве не было, и местные аборигены были так косноязычны и тупы, что никто не мог сказать, где мы находимся, и куда бежать. В основном местное население было осёдлым, и никуда, кроме как на соседний луг или на рынок не ездило, да и намерения такого ни у кого не могло появиться в силу забитости и темноты. Изредка какой-нибудь селянин так напивался в местном пабе, что начитнал плутать по полям и поневоле попадал в другой город, и это бывла просто беда, потому что человек не понимал, где он, а спросить, что это за место, у него не хватало фантазии. Имея такое запустение, мы попытались поправить дела и стали рассылать топографические экспедиции с целью составить подробную карту королевства. И нас неминуемо ждал бы успех, если бы не палки в колёса, которые нам втыкали церковники – попы постоянно возникали на нашем пути и чинили нам всяческие препятствия. Их козни представляли для нашего дела и даля нас серьёзную угрозу, и мы вынуждены были отложить эту затею в долгий ящик. Настраивать против себя церковь и ны не рискованная затея, а в наши времена это было просто убийственное мероприятие.

Время шло, но я не видел в сувоей стране каких-либо видимых изменений, всё как будто замёрзло на одном месте и пребывало в том же состоянии, в каком я всё тут застал. Нет, разумеется, мне удалось кое-что изменить, но эти изменения были столь микроскопическими, что даже мой взгляд со стороны едва ли мог заметить изменения. Я совершенно не коснулся налоговой сферы государства, кое что подправив в личных денежных делах короля. Я привёл личные доходы властителя в порядок, упростил учёт его налоговых поступлений и перевёл всё на деловую и понятную с точки зрения логики основу. Король был в эйфории – в результате моих манипуляций его личные доходы практически учетверились, и оттого, что налоговое бремя распределилось благодаря моим усилиям более равномерно, все налогоплательщики выдохнули в облегчении. Все понимали, кто это сотворил, и я сталкивался только с людской благодарностью, низкими поклонами и лобрым почитанием.

Я почувствовал, что постоянные труды истощили меня и более удачного момента взять отпуск мне. Возможно, в дальнейшем не представится. Если бы и сейчас я был один, то полу-

Глава XI. ЯНКИ В ПОИСКАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Никогда еще не было даже подобия этой страны, словно рождённой для лжи и лжецов, как моя Англия, это был просто писанный рай для бродячих лгунов и ублюдков, и они здесь были обоюбого пола. Не проходило и месяца, чтобы не появлялся кто-нибудь из этих крикливых бродяг, и обычно они начинали рассказывать душещипательные истории о том, как какая-нибудь принцесса просит помощи, чтобы выволить её из какого-нибудь далекого замка, где её держат в плену какой-нибудь незаконный проходимец, обычно чудовищный великан или зелёный андрияк. Теперь вы можете подумать, что первое, что сделал бы король, выслушав такую белиберду от совершенно незнакомого человека, – это попросил бы верительные грамоты или показать спину и удалиться сразу и навсегда – да, и пару указаний на местоположение замка не мешало бы уточнить, наилучший маршрут к нему и так далее. Но при этом никто никогда не задумывался о такой простой и здравой вещи, как разговор. Нет, все проглатывали ложь этих мерзавцев целиком и никогда не задавали ни о чём никаких вопросов. Так вот, однажды, когда меня не было рядом, подошла одна из этих с позволения сказать, особ, – на этот раз это была женщина – и рассказа вполне обычную историю.

Её госпожа оказалась пленницей в огромном и мрачном замке вместе с сорока четырьмя другими молодыми и красивыми девушками, почти все из которых были принцессами; они томились в этом жестоком плену в течение двадцати шести лет; хозяевами замка были три огромных брата, у каждого из которых было по четыре руки и по одному глазу – глаз в центре лба, размером с приличного размера фрукт. Сорт фруктов в её рассказе не был указан, это была их обычная неряшливость в статистике, но я полагаю, что это была тыква. Поверите ли вы во всё это?

Король и весь Круглый Стол зашлись в полнейшем восторге от этой невероятной затеи и возможности для новой серии захребетных приключений. Каждый рыцарь за Круглым Столом внутренне сразу ухватился за этот шанс и молил бога не мешать ему, но, к их досаде и огорчению, король предоставил эту возможность мне, хотя я вовсе не просил об этом. Мне, честно говоря, эти приключения были необходимы, как пятая нога кобыле. Сделав над собой усилие, я сдержал свою радость, когда Кларенс принёс мне эту потрясающую новость. При этом сам он не смог сдержать свою радость. Из его уст потоком лились восторги, славословия и благодарности – восторг от моей удачи, благодарность королю за этот великолепный знак его благосклонности ко мне и бог весть что ещё. Он не мог удержать свой восторг и кружился по комнате в электрическом пароксизме счастья. Со своей стороны, я был близок к тому, чтобы проклясть доброту, которая оказала мне такое благодеяние, но скрывал свою досаду из политических соображений. Я делал всё, что мог, чтобы выдавить из себя хоть йоту радости. Действительно, единственное, что я тогда сказал: «Я очень рад!»

И в каком-то смысле это было правдой – я был рад так же, как радуется человек, когда с него снимают надоевший, вышедший из моды скальп. Что ж, нужно делать всё возможное и не тратить время на пустое беспокойство, а взяться за дело и посмотреть, что ещё возможно сделать. В море лжи, среди моря плевел содержится зерно истины! В данном случае отыскать это зерно мне не удалось, поэтому я послал за девушкой, и она пришла. Она была довольно милым созданием, юным, мягким и скромным, но, если судить по приметам, в жизни она разбиралась не больше, чем слон в дамских часиках. Я сказал:

– Моя дорогая, вас случайно не спрашивали о подробностях?

– Нет! – изрекла она трогательной наивностью неведенья.

– Ну, кто бы сомневался, что вы так и сделаете, но я подумал, что всё равно должен спросить, чтобы убедиться, ибо меня так воспитали! Теперь вы не должны обидеться, мисс, если я напому вам, что, поскольку мы вас не знаем, мы должны действовать немного медленнее.

Конечно, с вами может быть всё в порядке, и мы будем надеяться, что так оно и есть, но принимать это как должное – это не бизнес. Вы же понимаете. Я вынужден задать вам несколько вопросов; просто ответьте честно, открыто, и не бойтесь. Где вы живёте, когда бываете дома?

– В стране Модэр, прекрасный сэръ!

– В стране Модэр? Не помню, чтобы я был наслышан о ней раньше. Родители живы?

– Что касается этого, я не знаю, живы ли они ещё, сир, я уже много лет сижу взаперти в замке!

– Ваше имя, плиз?

– Я мадемуазель Алисанда ля Картелуаз, если вам угодно!

– Мне много чего угодно! Вы знаете здесь кого-нибудь, кто может вас опознать?

– Это маловероятно, благородный лорд, поскольку я пришла сюда впервые! Так хорошо покинуть своё узилище и побродить по камням мостовой!

– Привезли ли вы какие –нибудь письма, какие-нибудь документы, какие-нибудь доказательства того, что вы заслуживаете доверия и говорите правду?

– Конечно, нет, сир, да и зачем мне это? Разве у меня нет языка, и разве я не могу сказать вам все это сама?

– Но, знаете, то, что вы говорите, и то, что говорит кто-то другой – это совершенно разные вещи!

– Разные? Как это может быть? Боюсь, я не понимаю!

– Не понимаете? Чёртова джамахирия! Страна... куда делись твои глаза... почему, ты не видишь явного... мать... ты ничего не видишь... почему, великий боже, вы все слепы, как кроты? Неужели ты не можешь понять такую мелочь? Неужели ты не можешь понять разницу между твоим... этим... как его... почему у тебя такой идиотский невинный вид? Ты, что, с Луны упала?

– У меня? Вид? По правде говоря, я не знаю, какой у меня вид, но, вестимо, на то была воля Божья!

Она умела пошутить даже в такой дурацкой ситуации, хотя... И откуда у этих девиц талант не говорить, как нормальные люди, а почти петь? Чёртова пискля!

– Да, да, я думаю, что так примерно оно и есть. Не обращайтесь внимания, я только кажусь взволнованным, но это не так! Вообще – я жизни я кремень! Но... Давайте сменим тему! А теперь, что касается этого замка, в котором живут сорок пять принцесс и три великана-людоеда во главе этого шалмана, скажите мне, где находится этот гарем?

– Гарем?

– Ну, не гарем... Как это?... Замок... вы знаете где находится Замок?

– О, что касается этого, то он велик и крепок, аки горные стогны, он могуч, его хорошо видно издалека, и находится он в далёкой-далёкой стране Вингаджопуглии. Да, до неё немало, много лиг до неё! Не всякому дано доползти!

– Сколько?

– Что сколько?

– Лиг?

– Ах, благородный сэръ, это было бы очень трудно измерить, но, если мерить шагами, а не как нас учили – конскими гривами, так много, так много, что и не знаю, как вам сказать, и так это далеко, что уж не знаю, как вам ответить... Семь пар железных подмёток надо истоптать, а лиги, этих лиг так много и они так налезают друг на друга, и так похожи одна на одну и так крашены одной краской, что невозможно отличить одну лигу от другой и сосчитать их, не знаю уж, кому под силам их сосчитать и разобрать, и вы прекрасно понимаете, что это дело руцей Божиих, поскольку человеку это не под силу; ибо как вы заметили...

– Погоди, погоди, не забудь о расстояниях, где находится замок? В каком направлении отсюда идти? Куда? Земля большая! Всю не облазишь! Где конкретно?

– С вашего позволения, сэръ, простите, отсюда нет никакого определённого направления, поскольку дорога, судя по инструкции, не держит курс прямо, а всё время поворачивает да поворачивает, как будто её одноногие проложили, или какие-нибудь маньяки, ненавидящие путешественников, а потому направление и её расположение всё время меняется, как, знаете, иной раз меняется русло рек, и она проходит некоторое время под одним небом, а затем под другим, так что, если вы помните, что она находится на востоке, и направляетесь туда, вы заметите, что направление дороги снова и снова поворачивается, меняется, а иногда и вовсе теряется... вы слушаете меня, и вы глазом не успеете моргнуть, как окажетесь на западе, сделав полукруг налево, потом повернёте направо возле огромного дуца и это истинное чудо, повторяющееся снова и снова, пока вы не заморочитесь полностью и памороки у вас не зайдутся и мозг не закипит, и ещё раз, и ещё раз, хлоп, и тщета человеческого существования нахлынет на вас и захлестнёт вас и утопит в своих ахейских глубинах, знаете, как всем приходится огорчаться, когда едешь туда? Это страна Сплошных Огорчений! Горчелэнд посреди Моря Слёз! Вы себе просто не представляете, как эта дорога огорчит вас, посрабив ваше тщеславие и потрепав по пути идеализм, волю и самомнение! Там столько растёт горчавки и лука, что вы точно, точно будете огорчены до слёз! И только тот, кто со смехом будет водить вас за нос по камышам и топям, может, если, конечно, захочет, вывести вас из этой Священной Чёрти-матрии на путь истинный, а может, если у него на ум пришло, и с ума не сошло, погубить вас и увести невесть куда, откуда нет никакого выхода! Это не дорога, а какие-то кровавые стигматы святые! Истинно говорю вам! Я боюсь найти дорогу, по сторонам которой торчат распятые разбойники! Мне кажется, некогда это уже было! Эта картина всё время стоит перед моими очами и не даёт мне спать спокойно! Под сурдинку их не пройти! Захочет некто, и перед вашим взором появится осиянный Солнцем замок Ясьмерзон, который вы ищете, а не захочет, очам вашим предстанут ошмётки каких-то трущоб, тряпки, мусорные кучи, старые развалины, башни с закопчёнными, пыльными окнами, полузакопанными рвами и горами костей над орлиными яйцами, вау, а потом он превратит это всё в пустое место – Пустобрывь Ничевошенскую, и всё это только для того, чтобы доказать вам, что когда он захочет – он сотворит а когда не хочет... А вы говорите, куда идти! Да идите вы к чёрту, твари поганые!

– О, о-кей, о-кей, спокойно, всё в порядке, всё в порядке, всё в норме, дайте мне передохнуть, вы почти убили мою веру в себя, не обращайтесь внимания, чёрт с ним, с этими направлениями, населёнными пунктами и дорожными столбами с инвалидами при шлагбаумах! Бог сам укажет путь! Ибо, истинно говорю... Прошу прощения, тысячу раз, миллион раз прошу прощения, я сегодня что-то нездоров! То да сё! Мадам! Не обращайтесь внимания, если я заговорю сам с собой, бывает, это старая привычка, университетская, так сказать, имплицитная паюсная, дон клаксен плирум, старая, вредная привычка, от которой трудно избавиться, когда у человека нарушено пищеварение из-за злокозненной пищи и он измучен запорами, пища была выращена, надо признать, ещё во веки вечные до его рождения! Хорошая земля! Человек не может нормально выполнять свои обязанности, когда ему тринадцать сотен лет! Но ладно, не будем о грустном, давайте к делу... у вас есть с собой такая вещь... ну, например, карта этого региона? Теперь хорошая карта на вес...

– Должно быть, вы имеете в виду что-то вроде того, что в последнее время неверующие прозелиты привезли из-за больших морей, и если это то, его надо в масле, добавить лук и соль, получается...

– Что, где карта? Что ты мелешь? Ты что, не знаешь, что такое карта? Ну-ну, ладно, не обращай внимания, не надо извиняться, не плачь, не объясняйся, я ненавижу эти дурацкие объяснения; они все так затуманивают истину, что потом ничего не поймешь! Беги домой, дорогая! Всего хорошего; покажи ей дорогу, Кларенс!

– О, что ж, теперь стало совершенно понятно, почему эти ослы никогда не требуют подробностей у этих записных лжецов! Возможно, в словах этой девушки и был какой-то пота-

ённый смысл, но я не уверен в том, что вы смогли бы выкачать его с помощью помпы или даже с помощью бочки в порохом, тут нужен был вагон динамита. Да что там говорить, она была совершеннейшей дурой, и всё же король и его рыцари слушали её так, словно она была первой страницей Евангелия. Это как бы подводило итог всей вечеринке. И подумать только, какие были простые порядки при дворе: у этой бродячей девчонки было не больше проблем с тем, чтобы попасть к королю в его дворец, чем с тем, чтобы попасть в богадельню в моё время и в моей стране. На самом деле, он был всегда рад видеть её, рад услышать её рассказы, после такого приключения она везде и всегда была такой же желанной гостьей, как свеженький труп для сыщика в Алабаме.

Как раз в тот момент, когда я заканчивал свои размышления, вернулся Кларенс. Я обратил внимание на бесплодный результат моих усилий с девушкой: я не нашёл ни единой зацепки, которая могла бы помочь мне найти замок. Юноша выглядел немного удивлённым, или скорее несколько озадаченным, или что-то в этом роде, и намекнул, что ему было интересно, зачем я хотел задать девушке все эти вопросы.

– Чёрт бы побрал, – сказал я, – Но мне, кровь из носу, необходимо найти замок! А как ещё я могу это сделать?

– Да, ваша милость, на это есть лёгкий ответ, я полагаю... Она поедет с вами! Они всегда так поступают! Она отправится в поход с вами и будет указывать дорогу! Память у женщин не хуже, чем нюх у кошек!

– Поедет со мной? Чепуха! Зачем мне это?

– Но, по правде говоря, куда она денется, поедет, как миленькая! Слово даю – она поедет с вами! Вы сами увидите!

– Что? Она будет бродит по холмам и лесам со мной – спать наедине – а я почти помолвлен на другой? Это жепросто возмутительно! Подумай, как бы это выглядело в глазах окружающих?

Боже, какое милое личико возникло и вдруг пронеслось предо мной! Мальчику не терпелось узнать всё об этом деликатном деле. Я взял с него клятву хранить тайну, а затем прошептал ее имя: «Пусс Фланаган». Он выглядел разочарованным и сказал, что не помнит такую графиню. Как естественно для маленького придворного было присвоить ей звание. Он спросил меня, где она живёт.

– В Ист-Хар... – я осёкся и пришёл в себя, запнувшись на полуслове, немного сбитый с толку; потом сказал:

– Не важно это сейчас, я расскажу тебе об этом как-нибудь потом!

А достоин ли он увидеть её? Позволю ли я ему взглянуть на неё когда-нибудь? Ладно! Ждать исполнения обещаний было недолго – каких-то тысяча триста лет или около того, – но он так рвался, что я согласился. Но я вздохнул при этом, я ничего не мог с собой поделаться. И всё же вздыхать было бессмысленно, потому что она ещё не родилась. Но так уж мы устроены: мы не рассуждаем о том, что чувствуем, мы просто чувствуем. В тот день и в ту ночь только и разговоров было, что о моей экспедиции, и мальчики были очень добры ко мне, и премного обо мне заботились, и, казалось, забыли о своей досаде и разочаровании. Они стали так сильно желать, чтобы я расправился с этими андрияками и людоедами и выпустил на свободу всех перезрелых старых девственниц, как будто у них был контракт. Что ж, они были хорошими детьми – но просто детьми, вот и все. Они дали мне множество прекрасных советов о том, как разыскивать великанов и как их ловить; и они рассказали мне о всевозможных чарах против колдовства, и дали мне мази и всякую другую дрянь, чтобы я мог прикладывать их к своим стигматам. Но никому из них и в голову не приходило задуматься о том, что если я такой замечательный некромант, каким притворяюсь, то мне не нужны ни мази, ни инструкции, ни чары против колдовства, ни, тем более, оружие и доспехи для любого рода вылазок – даже против огня, извергнутого драконами и дьяволами, жаждущими нашей поги-

бели, не говоря уже о таких жалких противниках, как те, за коими я охотился, об этих заурядных ограх из отдалённых хуторов

Я должен был позавтракать пораньше и отправиться в путь на рассвете, так было заведено; но у меня ушла дьявольская куча времени на доспехи, я возился со своими доспехами целый час, если не более, пытаюсь в них втиснуться, и это меня немного задержало. Вникать в это проблематично, там так много нюансов и деталей. Во-первых люди там были маленьгие, часто низкорослые, как гномы, и эти доспехи были под стать им. Но к делу!

Сначала вы оборачиваете тело одним или двумя слоями одеяла, чтобы создать что – то вроде подушки и защититься от холодного железа; затем надеваете рукава и рубашку из кольчуги – они сделаны из маленьких стальных колец, сплетённых вместе, и образуют ткань, настолько эластичную, что, если вы скинете её на пол, она станоится мягкой, сваливаясь в кучку, как мокрая рыболовная сеть, это очень тяжёлый и едва ли не самый неудобный материал в мире для ночной рубашки, но уже многие использовали его для своих делишек – сборщики налогов, реформаторы, короли-однодневки с поддельным титулом и тому подобные людишки; затем вы надеваете обувь – сапоги на плоской подошве, покрытые чередующимися стальными полосами – и ввинчивайте свои неуклюжие шпоры в каблуки. Затем вы застегиваете поножи на ногах и крепите набедренники на бёдрах; затем надеваете на спину и нагрудник доспехи, и вы начинаете чувствовать себя чрезмерно стеснённым; затем вы пристегиваете к нагруднику полуюбку из широких стальных полос, которые свисают спереди, но отстегиваются сзади, чтобы вы могли сесть, и они являются несущественным улучшением перевернутого ведёрка для угля, и едва ли приглянутся вам ни с точки зрения внешнего вида, ни с точки зрения ношения, ни с точки зрения вытирания рук, затем вы пристегиваете свой меч к поясу, надеваете на руки хомуты из печной трубы, железные рукавицы на клешни, железную крысоловку на голову, привязав к ней кусок стальной паутины, чтобы она свисала на затылке, – и вот ты здесь, схомутанный, уютно упакованный, как свечка в форме для свечей.

Сейчас не время для танцев. Что ж, человек, которого так упаковали, – это орешек, который не стоит разгрызать, ведь в нём так мало мякоти, если разобраться, по сравнению со скорлупой. Мальчики помогли мне, иначе я бы ни за что не смог попасть внутрь этого железного узилища. Как только мы закончили, появился сэр Бедивер, и я увидел, что, похоже, он тоже выбрал не самый удобный наряд для долгого путешествия. Каким величественным он выглядел сейчас: высоким, широкоплечим и могучим. На голове у него была коническая стальная каска, доходившая только до ушей, а вместо забрала была узкая стальная полоска, кончавшаяся у верхней губы и защищавшая нос, а всё остальное, от шеи до пяток, было покрыто гибкой кольчугой, штанами и прочим. Но почти все его тело было скрыто под верхней одеждой, которая, как я уже говорил, была, конечно, из кольчуги и свисала прямо с плеч до лодыжек; а от талии до низа, спереди и сзади, была разделена пополам, чтобы он мог ехать верхом и распускать свои юбки, садясь на коня, и они свисали с каждой стороны. Он собирался заняться розыском Грааля, и это был как раз подходящий наряд для такого занятия. Я бы многое отдал за это железное пальто, но теперь было уже слишком поздно валять дурака. Солнце только что взошло, король и придворные собрались, чтобы проводить меня и пожелать удачи, так что медлить было бы не по этикету. Вы сами не сядете на лошадь, нет, если бы вы попробовали это сделать, то были бы разочарованы. Они выносят тебя, точно так же, как несут в аптеку человека, пострадавшего от солнечного удара, и одевают тебя, и помогают привести себя в порядок, и вставляют твои ноги в стремяна; и все это время ты чувствуешь себя таким чужим, стеснённым и похожим на кого-то другого – на кого-то, кто был внезапно женился, или его ударило молнией, или что-то в этом роде, или на чучело огородное, которое ещё не совсем пришло в себя после налёта ворон, и как бы оцепенел, и просто не может сориентироваться во времени и пространстве. Затем они прислонили к коню мачту, которую называли копьём, потом вставили его в гнездо у моей левой ноги, и я ухватился за него рукой; наконец, они повесили мне

на шею щит, и я был полностью готов поднять якорь и выйти в море. Все были так добры ко мне, как только могли, а подружка невесты сама подарила мне серебряный подстаканник. Теперь мне больше ничего не оставалось, как только попросить эту девицу забраться позади меня на заднее сиденье, что она и сделала, обхватив меня одной рукой, чтобы не упасть. И вот мы тронулись в путь, и все бурно прощались с нами и махали носовыми платочками, кепками, сёдлами или шлемами. И все, кого мы встречали, спускаясь с холма и дефилируя через деревню, относились к нам с неистовым уважением, за исключением нескольких оборванных мальчишек на окраине какого-то нищенского посёлка.

Они кричали вслед:

«О, какой хмырь! Ты куда чешешь, пугало ряженое?»

И швыряли в нас комьями земли и кирпичами. По моему опыту, я знаю, что говорю, мальчишки одинаковы в любом возрасте. Они ничего не уважают, им ни до чего и ни до кого нет дела. Они говорят: «Поднимай задницу, лысый чёрт!» пророку, бредущему своим богоизбранным путём праведности и смирения во мраке седой древности, среди сикамор, крестов и гробов, они дерзят мне в священном мраке средневековья, и я видел, что они вели себя точно так же при администрации Бьюкенена – это я помню, потому что был там и в поте лица помогал им выделываться и хамить. Тот пророк наверняка позвал своих медведей на подмогу, и они разделались с этими малолетними наглецами и разбойниками, я тоже хотел спуститься и договориться со своими подонками, не прибегая к помощи медведей, но у меня ничего не вышло, потому что я ни за что на свете не смог бы снова вскарабкаться на кобылу. Ненавижу страну без подъёмных кранов!

Глава XII. МЕДЛЕННАЯ ПЫТКА

Мы сразу же оказались за городом. В этих лесных солнечных рощах, в этих благодатных, цветущих лугах этим ранним прохладным утром, в этой первой осенней свежести, было что-то особенно красивое и приятное. С вершин холмов нам открывался вид на раскинувшиеся внизу прекрасные зелёные долины с вьющимися по ним ручьями, островки деревьев сих зелёными купами, разбросанные тут и там, и огромные одинокие дубы с развесистыми кронами, отбрасывающие пятна чёрной тени на кусты жасмина, а за мерцающими долинами мы видели гряды шелковистых холмов, подёрнутых голубой дымкой, кажется, в средние века это называлось сфумато, они уходили вдаль волнистой перспективой, видимой до самого горизонта, с большими промежутками между седловинами, хряня на вершине волны тусклое белое или серое пятнышко, которое, как мы знали, было замком очередного людоеда типа Синей Бороды. Мы пересекали широкие цветущие, затейливые лужайки, сверкающие от утренней росы, и двигались тихо, как духи по облакам, мягкий дерн не издавал ни звука; мы плыли по полянам в тумане зелёного света, который приобретал свой оттенок от залитой солнцем кроны листьев над головой, а у наших ног текли чистые, кристальные, ледяные ручейки, они ревели и сплетничали на его перекатах и рифах, издавая что-то вроде чарующего щебетания, дивного шёпота, подобного лучшей музыке, которую слушать всегда чудовищно приятно; и временами мы оставляли солнечный мир позади и погружались в торжественные глубины и густой сумрак леса, где дикие твари проносились мимо и исчезали прежде, чем мы успевали разглядеть их или место, откуда доносился смутный шум, и где только самые ранние птицы вспархивали в воздух и садились на свои гнёзда, распевали гимны здесь и дрались там, и где вдали таинственным эхом разносился стук молотка дятла, а как мы знаем, дятел долбил-долбил и спятил, собирая червей на стволе гнилого ствола где-то в непроходимой лесной чащобе.

И мало-помалу мы снова покидали тенистые чертоги и оказывались в ярком свете дня. Примерно в третий, четвертый или пятый раз, когда мы вышли на яркое Солнце – это было где-то там, примерно через пару часов после восхода Солнца, – и это было уже не так приятно, как раньше. Становилось жарко. Это было довольно заметно. После этого мы очень долго тащились по какой-то пустыне, без тени и надежды укрыться. Любопытно наблюдать, как постепенно, как только они однажды завелись, растут и размножаются маленькие неприятности, превращаясь в конце концов в великие неудобства. То, против чего я поначалу совсем не возражал, теперь стало меня беспокоить, причем все больше и больше. Первые десять или пятнадцать раз, когда я хотел взять носовой платок, но он лежал в моём шлеме и я стал уверять себя, что обойтись, вытерпеть можно и без платка. Горячая, солёная влага заливалп глаза. Я смирялся, твердил себе, что это чепуха, и надо выбросить всё это из головы. Но теперь всё было по-другому – как бедное насекомое, закованное в железный кокон, я хотел освободиться от всего, вытереть лицо; я пилил и пилил себя без передышки; я не мог выбросить эти мучения из головы; и вот, наконец, вышел из себя и заорал: «Повесьте мерзавца, который клепает доспехи бед карманов! Где в этих железяках карманы?». Носовой носовой платок и ещё кое-что былди засунуты глубоков шлем, но это был такой шлем, который невозможно было снять без посторонней помощи. Когда я надевала его, мне это в голову не пришло, какая это засада, и, по сути, я этого не знал. Я предположил, чтоо том, что он здесь, такой удобный и такой близкий, и вдруг о там, внутри шлема платку самое место. А вот теперь мысль о платке, казавшемся таким недоступным, становилась всё невыносимее. Да, жизнь такова – то, чего вы никак не можете получить, даже вывернувшись наизнанку – это в основном то, о чём вы мечтаете – каждый это замечал, испуская слезу. Что ж, этот платок затмил весь мир и отвлёк мои мысли от всего остального. На фоне этого платка мир потух и стал маленьким и серым. Я полностью сосредоточился на своем шлеме; и миля за милей они бесновались внутри раскалённого железного горшка,

мысли протягивали свои маленькие ручки к моему носовому платку, умоляя его покинуть темницу и явить свой лик хозяину, и было горько и невыносимо чувствовать, как соленый пот продолжает стекать мне в глаза, разъедать мне щёки, когда я никак не мог до него добраться. Это было такое унижение, какого я не испытывал в своей английской школе, когда преподаватель по пению сёк меня на своём учительском столе. На бумаге это может показаться мелочью, но на самом деле это была вовсе не мелочь; это было самое настоящая беда. Я бы не стал так много говорить об этом, если бы это было не так. Я решил, что в следующий раз возьму с собой театральный ридикюль, пусть он выглядит как угодно, а люди говорят, что хотят, он должен быть со мной. Конечно, эти железные парни из «Круглого Стола» сочли бы мои тайные мыслишки скандалом и, возможно, подняли бы шумиху по этому поводу, но что касается меня, как говорится. сначала обеспечьте мне комфорт, а потом уже стиль, и спите спокойно. Итак, мы ползли мелкой трусцой, и время от времени окутывались клубами пыли, которая вздымалась серыми облаками и забивалась мне в нос, заставляя меня всё время чихать и плакать, и, конечно, в простых, пусть, не совсем приличных и не совсем цивилизованных словах я выразил то, чего не должен был говорить ни при каких обстоятельствах, я этого не отрицаю. Нет! Совсем нет! Только не подумайте так! Я не строю из себя богатыря! Я ничем не лучше других. Казалось, мы никого не встретили в этой пустынной Британии, даже людоеда, а в том настроении, в котором я тогда был, людоеду это было на руку, то есть людоеду с носовым платком. Большинство рыцарей не думали бы ни о чем, кроме как о том, чтобы заполучить его доспехи; но так как бы выкрал его бандану, он мог оставить всё остальное снаряжение себе, ради бога. Тем временем внутри моей скорлупы становилось все жарче и жарче. Видите ли, Солнце палило нещадно и нагревало утюг всё сильнее и сильнее. Ну, разумеется, когда тебе невыносимо жарко, тебя раздражает любая мелочь. Когда я бежал рысью, то гремел, как буфет с посудой, и это меня раздражало ещё сильнее; кроме того, мне было невыносимо, когда щит болтался, как неприкаянный и стучал то у меня на груди, то оказывался за спиной; а когда я переходил на шаг, мои сочленения скрипели с таким отвратительным звуком, словно я – тачка с болтами. Так, в общем-то и было, и поскольку при таком движении мы не создавали никакого дуновения ветра, я уже был готов поджариться в этой печи; и кроме того, чем тише я двигался, тем тяжелее давило на меня железо и тем больше тонн, с каждой минутой, я, казалось, весил. Мне то и дело приходилось менять руки и переключать копьё из одной руки в другую, потому что рука от таких тяжестей быстро затекала. Ну, знаете, когда вы потеете вот так, как я, что с вас льёт, как из ведра, наступает момент, когда вы... когда вы... ну, когда вы начинаете неистово чесаться и повизгивать. Вы внутри железной сковородки, ваши руки торчат снаружи; вот так вы и существуете; между вами и миром нет ничего, кроме железа, и как вы дошли до жизни такой? Быть рыцарем – это тяжкая засада, как бы это ни звучало. Сначала чешется что-то одно, потом другое, потом ещё что-нибудь, и эта чесотка распространяется и распространяется, и, наконец, всё тело начинает зудеть, и никто не может себе представить, что ты при этом чувствуешь, настолько это неприятно. И когда мне стало совсем худо, и показалось, что я больше этого не вынесу, муха пролезла сквозь забрало и уселась мне на нос. Я замотал головой и попытался поднять забрало, но куда там! Челюсти забрала застряли и не поддавались, и я не мог сдвинуть решётки с места; я мог только трясти головой. Голова, которая к этому времени уже раскалилась и трещала, и муха – ну, вы же знаете, как ведёт себя муха, когда у неё появляется уверенность, что нужно проявлять активность – она не обращала внимания на тряску ровно настолько, чтобы переместиться с моего носа на губу, а с губы переползти на ухо, и жужжать, жужжать повсюду, и продолжать жужжать. и кусаться так, что человек, и без того страдавший невероятно, не начинал вовсе сходиться с ума. Господи, зачем ты придумал такую пытку? Вчём я провинился пред тобой? Аминь! Так что я сдался и попросил Алисанду снять шлем и освободить меня от назойливой гостьи. Она роасстаралась всюю и скоро муха улетела по своим делам. Затем она вынула из сундука всё необходимое и напол-

нила кубок водой, я выпил, а затем встал, и она вылила остатки внутрь доспехов. Доспехи зашипели и задымились. Вы и представить себе не можете, насколько это было освежающе. Хотя если бы тогда мне просто плюнули на голову, я был бы длаграден не менее. Она продолжала приносить и лить воду на меня и доспехи, пока я как следует не промок и не почувствовал себя вполне комфортно. Было так приятно освежиться – и обрести покой. Но в этой жизни нет ничего совершенного, а разное время человеку хочется разного, и для большинства жизнь состоит из того, что когда что-либо нужно, этого как раз и нет! Это состояние называется бедностью, но и богатые тоже плачут, и у них в жизни есть моменты, когда под рукой чего-то нет, и взять это неоткуда! Упав посреди улицы с инсультом, в последнее мгновение жизни миллиардер с горечью вспоминает о спасительной таблетке, которую он оставив в прихожей у телефона...

Некоторое время назад я смастерил трубку, и добыл немного отличного табака; не настоящего, а того, что используют некоторые индейцы: это высушенная внутренняя кора ивы. Как это называется,.. кадмий, или что-то в этом роде? Эти принадлежности я хранил в шлеме, и теперь они у меня снова были, но, увы, не было спичек. Постепенно, по мере того, как шло время, я осознал один досадный факт – мы очень зависим от погоды и инфраструктуры. Вооружённый новичок не может сесть на лошадь без посторонней помощи, и притом, если помощники пребывают не в большом количестве, как муравьи в муравейнике. Одной Сэнди, во всяком случае, на меня не хватало. Нам пришлось долго ждать, пока кто-нибудь не появится. Ожидание в тишине было бы достаточно приятным, потому что у меня было много тем для размышлений, и я хотел дать этим мыслям полетать вволю. Я хотел попытаться осмыслить, как разумные или даже иной раз полумрачные люди вообще могли вбить себе в голову мысль научиться носить доспехи, учитывая их неудобства и тяжесть, и как им удавалось поддерживать такую моду на протяжении многих поколений, столетиями, когда уже на множестве примеров подтвердилось – то, что я пережил сегодня, им приходилось терпеть всю жизнь эту кугу. Я хотел обдумать всё это, и более того, я хотел придумать какой-нибудь способ искоренить это зло и убедить людей оставить эту глупую моду в прошлом, но в сложившихся обстоятельствах о размышлениях не могло быть и речи. Вы бы всё равно не догадались, где в это время находилась Сэнди.

Она была очень послушным созданием, человеком с поистине добрым сердцем, но её речь была размеренной, как жернова у мельницы, и от неё постоянно раскалывалась голова, как от шума повозок в людном месте. Если бы кто-нибудь смог заткнуть её фонтан, это был бы величайший из смертных. Но такие фонтаны априори закупорке не поддаются, ибо закупорь их, и они погибнут. Жернова её мельницы грохотали целыми днями, весь день, и можно было подумать, что с её механизмами обязательно что-нибудь случится, но нет, они никогда не выходили из строя, и ей никогда не приходилось замолкать, чтобы подобрать новые слова для свежей болтовни. Она могла молотить, и качать права, и взбивать пенку, и жужжать неделю за неделей, и при этом никогда не останавливаться, как не останавливается Перпентуум Мобиле, чтобы смазать или продуть свои шестерёнки. И всё же результатом этого процемма был просто ветер. У неё никогда не было никаких внятных идей, вернее, их было не больше, чем у тумана или отражения в воде. Она была идеальной болтуньей; я имею в виду, что она болтала, болтала, болтала, болтала, болтала, болтала, болтала, болтала, но настолько хорошо, насколько могла.

В то утро я не обращал внимания на её мельницу, потому что у меня и без неё было полно неприятностей, но во второй половине дня мне не раз приходилось напоминать ей:

– Отдохни, дитя моё! Из-за того, что ты так безжалостно транжиришь домашний воздух, королевству уже завтра придётся перейти на импорт из Глюкландии, а казна и без того почти пуста!

Глава XIII. СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ

Да, странно, как редко человек способен быть доволен собой. Совсем недавно, когда я скакал верхом и страдал, каким раем показался бы этот покой, эта божественная расслабленность, эта сладкая безмятежность отреченного существования в этом уединённом тенистом уголке, рядом с журчащим ручьём, где я мог чувствовать себя совершенно комфортно, время от времени подливая ковш воды в свои доспехи; и всё же я почему-то постоянно чувствовал себя неудовлетворённым, о чём-то грустил, беспокоился, что-то свербило меня, отчасти потому, что не мог раскурить трубку – ведь, хотя я уже давно открыл спичечную фабрику, я забыл захватить с собой спички, – а отчасти потому, что нам нечего было есть. Вторую причину мне следовало бы скрывать, настолько унижительно упоминать о голоде и еде. Это была еще одна иллюстрация детской расточительности моего века и этого народца. Человек в доспехах всегда полагался на случай в поисках пищи в путешествии и был бы шокирован идеей подвесить корзинку с бутербродами к своему копыту. Наверное, не было ни одного рыцаря Круглого Стола, который не предпочёл бы умереть, чем быть пойманным с такой вещью на древке своего флага. И всё же ничего более разумного придумать было нельзя. Я намеревался тайком запасти парой бутербродов в своём шлеме, но мне помешали, пришлось извиниться и скромно отложить их в сторону, и, не успев я глазом моргнуть, как их похитила собака.

Приближалась ночь, а с ней и гроза. Быстро стемнело. Свинцовые глыбы громоздились над нами, готовясь обрушиться на нас всеми божественными рыданиями богов. Нам, конечно, нужно было разбить лагерь. Я нашёл хорошее укрытие для мадемуазель под скалой, а сам отправился искать другое для себя. Но я был вынужден оставаться в доспехах, потому что не мог снять их сам и в то же время не мог позволить Алисанде помочь мне, потому что это было бы похоже на публичный стриптиз, чего я не мог позволить. На самом деле этого бы не произошло, потому что под ними на мне была кое-какая одежда; но от предрассудков, обусловленных воспитанием, не избавишься в один миг, и я знал, что, когда дело дойдёт до того, чтобы снять эту железную юбку с коротким хвостом, мне должно поневоле стать неловко. Вместе с бурей погода озверела, и чем сильнее дул ветер, чем яростнее хлестал дождь, тем мне становилось холоднее и холоднее. Довольно скоро различные виды жуков, муравьев, червей и прочих тварей начали выползать из-под мокрой листвы и мха и заползали внутрь моей скорлупы, чтобы согреться; и хотя некоторые из них вели себя поначалу достаточно вежливо – просто забирались под мою одежду и затихали в тёмных углах, большинство вели себя достаточно беспокойно и чувствовали себя неудобно, и никогда не кучковались на месте, как и людишки, они продолжали рыскать лучшей жизни и охотиться у меня педмышками, сами не зная за чем, особенно этим страдали муравьи, которые час за часом, щекоча мою брэнную плоть, перемещались утомительной вереницей от одного конца моего тела к другому, и это были такие супостаты, с какими я никогда больше не захочу спать. Я бы посоветовал людям, находящимся в таком положении, не кататься по полу и не метаться, как герои Шекспировских трагедий, потому что эта ваша поваышенная жизненная двигательная активность возбуждает ещё больший интерес у всех видов животных и насекомых, заставляя каждого из них выйти и посмотреть, что происходит, а это делает ситуацию еще более трагичной, во всяком случае она становится гораздо хуже, чем она была раньше, и конечно, это также заставляет вас сильнее возражать такому положению дел, если вы, конечно, сможете. И все же, если человек не будет кататься и метаться, он умрёт от щекотки; так что, возможно, лучше поступить как в том, так и в другом случае, выбора, по сути, нет. Даже после того, как меня заморозили, я всё ещё мог различать это щекочущее ощущение, как у трупа лягушки, когда её бьют током. Я сказал, что после этого путешествия никогда не надену броню. Все эти мучительные часы, пока я был заморожен и в то же время находился, можно сказать, в живом огне из-за этой толпы ползучих

тварей, один и тот же вопрос, на который не было ответа, все кружил и кружил в моей усталой голове: как люди выдерживают эту жалкую броню? Как они умудрялись терпеть это все эти поколения? Как они могут спать по ночам, опасаясь мучений следующего дня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.